

Neven Dr. W. Schlichter
april, Feb. 1902.

Kachachtungsvoll überreicht von den Verfassern

5148
Р. Л. Вейнбергъ.

ЭСТЫ.

Антропологическій очеркъ.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

22216

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Антропологическаго Журнала“, 1901 г., №№ 3 и 4.

— o — > o —

Москва.

Типо-литографія А. В. Васильева и н^о, Петровка, домъ Обилиной
1901.

Э С Т Ы.

(Антропологическій очеркъ).

Est-A

Tartu Riiklik Ülikooli

Racematukogu

15359

I.

Бѣглый обзоръ этнографическихъ и археологическихъ данныхъ объ эстахъ.— Происхождение угро-финской расы.— Культура до-балтійскихъ эстовъ.— Балтійскій періодъ.— Начало національной дифференцировки могильниковъ.— Древняя до-христианская культура эстовъ и ея отношеніе къ культурѣ ливовъ и латышей.— Языческій культъ эстовъ.— Языкъ и народная поэзія.— Географическое распространеніе эстовъ.

На полосѣ восточно-балтійскаго побережья, расположенной между 40° и 45° в. д. и $57^{\circ}5'$ и $60^{\circ}5'$ с. ш., преобладающій и господствующій антропогеографическій элементъ составляетъ, какъ извѣстно, племя эстовъ. Тѣсно соприкасаясь къ югу и къ юго-западу съ индо-европейскимъ племенемъ латышей, окруженное почти со всѣхъ сторонъ народами славянской расы, отдѣленное морскими границами отъ своихъ собратьевъ— собственныхъ финновъ, воспринявшее въ себя представителей германской и иныхъ расъ, племя это съ давнихъ поръ и особенно въ историческое время находится въ условіяхъ, мало способствующихъ его расовому обособленію. Въ то же время эсты, на подобіе собственныхъ финновъ и мадьяръ, являются какъ бы крайнимъ, отодвинутымъ наиболѣе далеко къ западу и къ морскимъ побережьямъ, звеномъ длиннаго ряда племенныхъ типовъ, относимыхъ обыкновенно къ т. наз. угро-финской группѣ народовъ. Въ этихъ племенахъ мы встрѣчаемъ историческіе аванпосты обширнаго движенія угро-финской семьи народовъ, которые, будучи вытѣснены изъ ихъ первоначальной родины и передвигаясь въ направленіи къ сѣверу и къ сѣв.-западу, достигли наиболѣе высокой степени культурнаго развитія тамъ, гдѣ границы моря навсегда поставили предѣлъ дальнѣйшему ихъ передвиженію. На-ряду съ мадьярами и собственными финнами великаго княжества эсты и родственное имъ, когда-то могущественное, но теперь близкое къ вымиранію, племя ливовъ были первыми пионерами, долженствовавшими проложить финской расѣ первые пути къ западной культурѣ. Если чудскія сказанія указываютъ на центральную Азію, какъ на вѣроятную колыбель угро-финскихъ народовъ, то это указаніе лишь подтверждаетъ не подлежащій сомнѣнію фактъ ко-

гда-то болѣе обширнаго ихъ распространенія по сравненію съ узко очерченными границами области современныхъ угро-финновъ. Къ тому же въ пользу предположенія, что всѣ угро-финскія племена до момента вторженія въ Европу арійцевъ еще объединялись одною общею родиною, говорятъ многія и весьма вѣскія данныя. Поддерживая мысль относительно центрально-азиатскаго происхожденія угро-финской расы, чудская сага ничего не говоритъ намъ о состояніи культуры этой расы въ тотъ отдаленный періодъ времени, когда она, согласно гипотезѣ, допускаемой тою же сагою, должна была въ своей первоначальной родинѣ находиться въ тѣсномъ соприкосновеніи съ древнею культурою Китая и съ первобытными элементами индо-европейской семьи народовъ. Если довѣряться этой гипотезѣ, то нетрудно остановиться на предположеніи о болѣе высокой степени культурнаго развитія первоначальныхъ угро-финновъ и о послѣдующей гибели этой культуры подъ вліяніемъ долгихъ массовыхъ передвиженій и бѣдствій, перенесенныхъ вытѣсненными финнами на пути къ ихъ позднѣйшимъ жилищамъ.

О тѣхъ путяхъ, по которымъ финскія племена достигли современнаго своего географическаго распространенія, о времени, въ какое именно произошло заселеніе занимаемыхъ ими теперь областей, высказывались различныя предположенія. Въ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ эсты упоминаются подъ общимъ названіемъ «чуди», но извѣстно, что это понятіе обнимаетъ собою вмѣстѣ съ эстами и всѣ остальные финскія племена, живущія въ предѣлахъ Россійской имперіи. Памятниками движенія финскихъ эстовъ съ востока на сѣв.-западъ служатъ многія названія мѣстъ, встрѣчающіяся въ Приволжьѣ, не говоря о томъ, что и само названіе рѣки Волги, соответствующее эстонскому корню слова «*walg*» (бѣлый) и обозначающее «бѣлую рѣку», несомнѣнно эстонскаго происхожденія и свидѣтельствуешь о томъ, что въ Поволжьѣ когда-то обитали и господствовали эсты и другія финскія племена. Здѣсь эсты, по всей вѣроятности, еще не были вовсе знакомы съ желѣзомъ. По крайней мѣрѣ, по даннымъ сравнительной лингвистики, становится вѣроятнымъ, что эсты до заселенія ими Балтійскаго поморья изготовляли топоры еще изъ камня, а изъ металловъ знали только мѣдь и серебро. Сравнительное языковѣдѣніе рисуетъ намъ эстовъ до-балтійскаго періода въ видѣ хлѣбопанцевъ, рыболововъ и охотниковъ, хорошо знакомыхъ съ кузнечнымъ ремесломъ и съ приготовленіемъ войлока изъ коровьяго и конскаго волоса (овець, по видимому, не было еще). Мѣха у нихъ играли роль денегъ, которыхъ они еще не знали. Мѣхами же древніе эсты обивали свои конусообразныя жилища, строившіяся ими изъ неотесанныхъ бревенъ. Любовь къ безпредѣльной личной свободѣ препятствовала появленію у нихъ рабства, а начала семьи и правосудія уже рано обнаруживаютъ сравнительно высокую степень развитія.

Съ момента появленія эстовъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ мы ихъ встречаемъ въ настоящее время, исторія ихъ вступаетъ въ неразрывную связь съ исторіею Вост.-Балтійскаго края. Бѣглый взглядъ на первобытную исторію этого края долженъ поэтому пролить свѣтъ на то отдаленное прошлое племени эстовъ, къ которому относятся первые памятники человѣческой культуры на Вост.-Балтійскомъ побережьи.

Наиболѣе древніе изъ этихъ памятниковъ соотвѣтствуютъ, какъ извѣстно, періоду полированного камня или т. наз. неолитической эпохи. Относительно существованія человѣка въ этомъ краѣ въ предшествовавшую геологическую эпоху мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній. Находки, относящіяся къ періоду полированного камня, рисуютъ намъ обитателей Балтійскаго поморья какъ рыбаковъ и охотниковъ, изготовлявшихъ изъ камня просверленные молотки и топоры, а изъ костей животныхъ различные другіе предметы, какъ, напр., кинжалы, остроги, наконечники стрѣлъ и коній. Могильники изъ этого древнѣйшаго (каменнаго) періода не доказаны съ несомнѣнностью, причиною чего служить, между прочимъ, то обстоятельство, что въ Вост.-Балтійскомъ краѣ каменные издѣлія продолжали сохраняться и въ т. наз. желѣзную эпоху и могли, слѣдовательно, попадать и въ могилы позднѣйшаго времени. Какъ бы то ни было, каменный вѣкъ въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно незамѣтно переходитъ въ желѣзную эпоху, такъ какъ существованіе здѣсь бронзоваго періода въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ изготовленіемъ изъ бронзы не только предметовъ украшеній, но и оружія, въ настоящее время признается болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Совершенно отсутствуетъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ, кромѣ бронзоваго, и т. наз. дохристіанскій желѣзный періодъ, соотвѣтствующій періоду La Tène и играющій столь существенную роль въ археологіи средней и западной Европы. Что же касается балтійской желѣзной эры, то ее въ настоящее время подраздѣляютъ на два періода, изъ которыхъ первый обнимаетъ время отъ I до VIII в. христіанскаго лѣтосчисленія, второй простирается отъ VIII стол. до времени нѣмецкой колонизаціи и введенія христіанства въ Остзейскомъ краѣ. Эти два періода извѣстны также подъ названіемъ перваго и втораго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка и различаются между собою не только способами погребенія покойниковъ, но и формою предметовъ, находимыхъ въ могильникахъ при трупахъ. Переходный между первымъ и вторымъ изъ этихъ періодовъ, соотвѣтствующій VII—VIII в. христіанскаго лѣтосчисленія, характеризуется какъ болѣе бѣдный по количеству археологическихъ находокъ.

Періодъ т. наз. перваго вост.-балтійскаго желѣзнаго вѣка, обнимающій собою время отъ I—VIII в. христіанскаго лѣтосчисленія, еще весьма недостаточно выясненъ какъ въ этнологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Какія племена обитали за этотъ періодъ вре-

мени въ остзейскихъ провинціяхъ и какія между ними существовали взаимоотношенія,—вопросъ этотъ, какъ извѣстно, былъ затрогиваемъ неоднократно, однако мы еще и понынѣ весьма далеки отъ его окончательнаго разрѣшенія. Даже относительно племенныхъ признаковъ главной массы тогдашняго народонаселенія нашего края археологическія находки перваго желѣзнаго періода не даютъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній, и весьма возможно, что именно въ продолженіе этого періода времени первоначальныя расы нашихъ провинцій подвергались сильному вліянію со стороны иноземныхъ пришельцевъ и въ частности, вѣроятно, вліянію со стороны германскихъ племенъ, занесенныхъ сюда общимъ разливомъ переселенія народовъ. Нѣкоторый свѣтъ на расовыя или національныя особенности народонаселенія тогдашняго времени способно пролить лишь сравнительное богатство находокъ, относимыхъ къ первой половинѣ истекшаго тысячелѣтія. Изъ числа глиняныхъ предметовъ найдены горшки довольно искусной работы, хотя въ области сѣверной отъ Двины они встрѣчены только въ видѣ обломковъ. Желѣзо употреблялось большею частью для приготовленія необходимыхъ предметовъ обыденной жизни, какъ ножей для рѣзбы, ножницъ, булавокъ, шильевъ для прободенія кожи и даже, повидимому, небольшихъ бритвъ. Сравнительно рѣже изъ желѣза изготовлялось оружіе, напр. наконечники копій, а желѣзные топоры и мечи совершенно отсутствуютъ за рассматриваемый періодъ въ области современнаго распространенія эстовъ. Еще рѣже наблюдаются предметы украшенія изъ желѣза. Что же касается древнѣйшихъ бронзовыхъ предметовъ, то среди нихъ первенствующая роль выпадаетъ на долю фибулы. Но древнія фибулы, находимыя въ Вост.-Балтійскомъ краѣ, врядъ ли, однако-же, могутъ считаться, какъ продукты самостоятельнаго мѣстнаго производства. Большинство изъ нихъ, какъ по своей общей конфигураціи, такъ и по техническимъ своимъ особенностямъ, весьма близко подходитъ къ римскимъ фибуламъ, соответствующимъ періоду первыхъ императоровъ. Наиболѣе характерными для втораго столѣтія являются въ областяхъ южнѣ Зап. Двины, а также во многихъ мѣстностяхъ Эстляндіи и Финляндіи фибулы двоякой формы: 1) т. наз. крючковидныя (рис. 1а) и 2) щитовидныя (рис. 1б). Но съ наступленіемъ III вѣка эти два вида фибулы смѣняются типомъ т. наз. арбалетной фибулы (рис. 1с). Последній типъ фибулы, повидимому, наиболѣе соответствовалъ эстетическому вкусу тогдашняго народонаселенія нашихъ провинцій, такъ какъ форма ея съ теченіемъ времени прогрессивно совершенствуется, становясь плоскою, впоследствии она изготовляется изъ серебра и изъ позолоченной бронзы и украшается различнымъ орнаментомъ, въ особенности изображеніями животныхъ—этого столь частаго объекта сѣверной орнаментики. Къ перечисленнымъ главнымъ типамъ фибулы присоединяется еще рядъ другихъ, изъ числа которыхъ въ средней Лифляндіи большую

роль играет т. наз. лѣстницевидная фибула, могущая появляться также въ своеобразныхъ комбинаціяхъ съ самострѣлообразною. Весьма распространѣнъ кромѣ того дискообразный типъ фибулы, хотя и другія формы ея,—треугольная, совообразная, петлевидная и проч.,—не составляютъ рѣдкости среди бронзоваго инвентаря могильниковъ того времени. Рѣже другихъ наблюдаются, повидимому, подковообразнаго типа и довольно изящной работы фибулы, облицованныя иногда даже эмалью, наличность которыхъ доказана, между прочимъ, и въ соответствующихъ разсматриваемому періоду времени могильникахъ сѣв.-восточной Эстляндіи. Но и помимо фибулы ранній желѣзный періодъ необычайно богатъ также другими предметами украшенія. Такъ, изъ бронзы изготовлялись различнаго рода булавки, снабженные

петлями или кольцами и, вѣроятно, представлявшія собою украшенія женской шевелюры. Далѣе, въ большомъ употребленіи были бронзовыя бусы, бронзовыя гривны, надѣвавшіяся на шею или на голову, бронзовые браслеты, которые, будучи надѣты въ большомъ количествѣ и приготовленные часто изъ бронзовой жести, служили не только для украшенія, но могли, вѣроятно, имѣть одновременно значеніе предмета для защиты, наконецъ, бронзовые перстни, являющіеся по своей частотѣ излюбленнымъ средствомъ украшенія у древнихъ обитателей нашихъ провинцій. Найдены также бронзовые пинцеты, относительно которыхъ существуетъ предположеніе, что они служили для вырыванія волосъ бороды и такимъ образомъ являются какъ бы прототипомъ нашихъ современныхъ эпиляторовъ. Посуда изъ бронзы почти отсутствуетъ. Но при богатствѣ другихъ бронзовыхъ издѣлій естественно, что послѣднія фактически составляютъ собою преобладающій элементъ въ инвентарѣ могильниковъ перваго желѣзнаго періода. Появленіе такой массы бронзовыхъ предметовъ несомнѣнно римскаго происхожденія въ нашемъ отдаленномъ отъ римскихъ провинцій краѣ естественно должно навести на мысль, что въ продолженіе первыхъ вѣковъ христіанской эры народы, обитавшіе тогда на Вост.-Балтійскомъ поморьѣ, подвергались болѣе или менѣе сильному вліянію со стороны западно-римской культуры. Фактъ относительной бѣдности, а по отношенію къ областямъ сѣвернѣе Двины—даже полнѣйшаго отсутствія монетъ римскихъ императоровъ, въ дан-

Рис. 1. Главнѣйшія формы бронзовыхъ фибулъ перваго вост.-балтійскаго желѣзнаго періода: а) крючкообразная фибула, съ гребнемъ (каталогъ X-го Археолог. Съѣзда въ Ригѣ, табл. IV, № 382); б) щитовидная фибула, съ верхнею дугою, гребнемъ и широкою ножкою (музей Учен. Эстон. Общества); в) арбалетная фибула (Курлянд. провинц. музей въ Митавѣ).

нихъ обитателей нашихъ провинцій. Найдены также бронзовые пинцеты, относительно которыхъ существуетъ предположеніе, что они служили для вырыванія волосъ бороды и такимъ образомъ являются какъ бы прототипомъ нашихъ современныхъ эпиляторовъ. Посуда изъ бронзы почти отсутствуетъ. Но при богатствѣ другихъ бронзовыхъ издѣлій естественно, что послѣднія фактически составляютъ собою преобладающій элементъ въ инвентарѣ могильниковъ перваго желѣзнаго періода. Появленіе такой массы бронзовыхъ предметовъ несомнѣнно римскаго происхожденія въ нашемъ отдаленномъ отъ римскихъ провинцій краѣ естественно должно навести на мысль, что въ продолженіе первыхъ вѣковъ христіанской эры народы, обитавшіе тогда на Вост.-Балтійскомъ поморьѣ, подвергались болѣе или менѣе сильному вліянію со стороны западно-римской культуры. Фактъ относительной бѣдности, а по отношенію къ областямъ сѣвернѣе Двины—даже полнѣйшаго отсутствія монетъ римскихъ императоровъ, въ дан-

номъ случаѣ, по нашему мнѣнію, врядъ ли имѣть серьезное или рѣшающее значеніе, тѣмъ болѣе, что и другія находки въ могильникахъ тогдашняго времени, какъ, напр., найденныя въ большомъ количествѣ стеклянныя издѣлія, въ особенности бусы несомнѣнно посторонняго происхожденія, такъ же какъ и бронзовыя находки весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о болѣе или менѣе рѣзкомъ и раннемъ воздѣйствіи пришедшихъ элементовъ на народонаселеніе нашего края. Какъ бы характерною особенностью балтійскихъ могильниковъ начала христіанскаго лѣтосчисленія является отсутствіе предметовъ изъ золота, всецѣло уступающаго здѣсь мѣсто бронзѣ (главнымъ образомъ т. наз. цинкованной бронзѣ) и желѣзу, въ то время какъ посеребренныя вещи встрѣчаются въ находкахъ уже нѣсколько чаще.

Но упомянутыя археологическія находки нигдѣ, однако же, не даютъ опредѣленныхъ указаній относительно національной принадлежности изслѣдованныхъ могильниковъ. Перечисленные предметы инвентаря могильниковъ не поддаются въ предѣлахъ балтійскихъ провинцій точной топоческо-этнической группировкѣ. Они встрѣчаются вездѣ и всюду, безъ рѣзкаго преобладанія тѣхъ или иныхъ изъ нихъ соответственно области современнаго топоческаго распространенія въ краѣ отдѣльныхъ расовыхъ типовъ. Единственное заключеніе, къ которому можетъ привести родственность этихъ находокъ, выражается въ доказательствѣ принадлежности могильниковъ къ одному и тому же археологическому періоду. Что же касается самихъ могильниковъ, ихъ ближайшихъ особенностей и способовъ погребенія покойниковъ, практиковавшихся въ рассматриваемый первый періодъ балтійской археологіи, то здѣсь въ нашихъ свѣдѣніяхъ остаются, къ сожалѣнію, еще значительныя пробѣлы. Наиболее хорошо выясненнымъ можетъ считаться характеръ могильниковъ тогдашняго времени въ областяхъ, занятыхъ въ настоящее время эстами. Здѣсь, въ сѣверной и отчасти также въ средней Лифляндіи, были открыты многочисленные могильники, возведенные весьма искусною рукою изъ камня, безъ употребленія известковаго цемента, и обычно представляющіе собою правильные ряды длиною до 100 метровъ и съ длинною осью, направленною съ запада на востокъ. Этотъ типъ каменныхъ рядовыхъ могильниковъ ¹⁾, однако, обнаруживаетъ и въ странѣ эстовъ рядъ существенныхъ различій, объясненіе которыхъ до сихъ поръ встрѣчаетъ, повидимому, непреодолимые препятствія. Дѣло въ томъ, что въ средней и сѣверной части Лифляндіи рядовые могильники вмѣщаютъ въ себѣ ясныя слѣды примѣнявшагося трупосоженія въ видѣ цѣлыхъ гнѣздъ неопредѣлимаго числа сожженныхъ

¹⁾ Если бы первоначальная попытка сравненія нѣкоторыхъ изъ этихъ могильниковъ съ кораблями оправдалась въ дѣйствительности, то такая форма ихъ послужила бы лишь выразительницей безграничной преданности приморскихъ эстовъ мореплаванію и ремеслу морского разбоя.

покойниковъ, расположенныхъ въ промежуткахъ между рядами камней. Не то мы видимъ въ сѣверныхъ окраинахъ земли эстовъ. Здѣсь также имѣются обширные могильники, сооруженные изъ камня, и здѣсь могильники устроены искусною, повидимому, рукою, въ видѣ длинныхъ рядовъ камней, хотя и не столь правильныхъ, какъ на югѣ; но среди находимыхъ въ этихъ могильникахъ скелетовъ встрѣчается масса такихъ, которые явно никогда не подвергались вліянію огня. Обычай трупосожженія отсутствуетъ за разсматриваемый ранній періодъ времени въ предѣлахъ Эстляндіи и во всякомъ случаѣ, если и былъ въ употребленіи, то лишь изрѣдка и въ видѣ исключенія. Возможно думать, что эта особенность болѣе сѣверныхъ могильниковъ до извѣстной степени служить выразительницею распредѣленія расъ въ то время, но это не болѣе, какъ предположеніе, не имѣющее подъ собою твердой фактической почвы. Съ нѣсколько большею определенностью можно высказаться относительно общаго характера тѣхъ раннихъ обитателей нашихъ просинцій, которые столь тщательно укладывали своихъ усопшихъ родственниковъ на вѣчное упокоеніе въ каменные гробницы. Уже поразительная многочисленность рядовыхъ могильниковъ даетъ представленіе о значительной густотѣ тогдашняго населенія нашего края, распредѣлявшагося въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ общинъ. Сравнительная рѣдкость находенія оружія въ видѣ копій и проч. указываетъ на то, что народонаселеніе этой мѣстности уже въ разсматриваемый ранній періодъ не отличалось особенно воинственнымъ характеромъ. Это были, по всей вѣроятности, мирные поселяне, занимавшіеся обработкою своихъ полей, приготавливавшіе свою одежду изъ шерсти и кожи, продуктовъ тщательнаго скотоводства, которые служили въ то же время объектами для обмѣна на нѣкоторые предметы ввоза,—поселяне, питавшіе въ то же время большую склонность къ блеску и къ роскоши бронзовыхъ и бисерныхъ украшеній, но одновременно развивавшіе въ себѣ искусство самостоятельнаго изготовленія необходимой домашней утвари изъ желѣза, глины и проч.

Болѣе определенную племенную или національную окраску археологическія находки въ прибалтійскихъ провинціяхъ начинаютъ обнаруживать лишь со времени второго періода желѣзной эпохи, считая съ VIII стол., до времени нѣмецкой колонизаціи и момента введенія христіанства въ XIII в. Какъ латыши, такъ и племя эстовъ и родственное съ ними племя ливовъ съ этихъ поръ начинаютъ принимать ясныя этнографическія границы, которыя, какъ показали обстоятельныя изслѣдованія Биленштейна, обозначаютъ собою тѣ же области, въ которыхъ мы еще и въ настоящее время встрѣчаемъ латышей и эстовъ, если при этомъ принимать во вниманіе, что племенной элементъ ливовъ со-временемъ все болѣе поглощается и всасывается латышами, съ сохраненіемъ лишь тѣхъ немногочисленныхъ селеній ливовъ-рыбаковъ на сѣверной окраинѣ курляндскаго полуострова, которые явля-

ются послѣдними остатками этого когда-то могущественнаго и воинственнаго народа. Что говорятъ намъ археологическія находки о картинѣ культуры этихъ народностей на склонѣ перваго тысячелѣтія? Находимъ ли мы, по мѣрѣ установленія между ними опредѣленныхъ этнографическихъ границъ и въ данныхъ археологическихъ изысканій, соответствующія указанія на развитіе національной обособленности?

Начинаемъ съ ливовъ. Здѣсь попытка археологической характеристики связана съ особенными трудностями, благодаря, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что ливы всюду тѣсно соприкасались не только съ эстами, но и съ латышами, въ особенности же съ послѣдними, такъ какъ земля ливовъ въ описываемый періодъ времени къ югу отъ современной границы эстовъ была расположена, такъ сказать, въ самомъ сердцѣ области распространенія латышскаго народа, — фактъ, уже самъ по себѣ позволяющій до извѣстной степени предугадывать будущую судьбу племени ливовъ. Національною особенностью этого могущественнаго племени, сидѣвшаго у низовьевъ р. Двины и въ области р. Аа, являются въ періодъ его процвѣтанія нѣкоторые характерные предметы украшенія, изготовлявшіеся по преимуществу изъ бронзы, рѣже, но все еще довольно часто, также изъ серебра. Въ числѣ этихъ украшеній первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ, въ особенности среди двинскихъ ливовъ, роскошныя и драгоценныя длинныя многорядовыя цѣпи, далеко ниспадающія съ плечъ, къ которымъ оба конца прицѣплялись при помощи характерной для ливовъ яйцевидно-щитообразной фибулы, и соединявшіяся съ нагрудными бронзовыми или серебряными амулетами въ видѣ фантастическихъ изображеній птицъ, собакъ, лошадей и проч. Нашеѣ жены и дочери ливовъ любили носить богатые украшения, ожерелья, изящныя серебряныя предметы, монеты и т. д. Но этой почти безпредѣльной страсти къ внѣшней роскоши далеко не уступаетъ гордая воинственность ливовъ, находящая свое естественное выраженіе въ тѣхъ приготовленныхъ изъ желѣза, но подчасъ богато облицованныхъ также серебромъ и даже золотомъ мечахъ, топорахъ, ножахъ и копьяхъ, съ которыми не разставались и слагшіе на полѣ битвы воины и которые по своему изобилію такъ поражаютъ насъ уже при первомъ взглядѣ на инвентарь ливскихъ могильниковъ. Напротивъ, оружія мирнаго труда, какъ ножи, серпы и другія эмблемы замледѣльца, встрѣчаются въ могильникахъ ливовъ лишь изрѣдка и въ видѣ исключенія. Рѣдкость находенія въ землѣ ливовъ братинъ естественно не можетъ еще служить несомнѣннымъ доказательствомъ особой воздержанности отъ спиртныхъ напитковъ. Точно такъ же фактъ полного отсутствія у ливовъ кожаныхъ поясовъ и поясныхъ колецъ можетъ въ сомнительныхъ случаяхъ имѣть значеніе при опредѣленіи національной принадлежности инвентаря ливскихъ могильниковъ.

Въ противоположность родственному племени ливовъ эсты и во второй періодъ желѣзной эры сохраняютъ у себя старыя обычаи

трупосожженія. Мы не знаемъ, насколько распространенный у ливовъ обычай жертвоприношенія различныхъ животныхъ, въ особенности собакъ, и устройство погребальныхъ похоронныхъ пиршествъ, остатки которыхъ въ урнахъ и горшкахъ предавались землѣ вмѣстѣ съ покойниками, имѣлъ распространене среди древнихъ эстовъ. Но самый способъ устройства могилъ въ видѣ высокихъ холмовъ напоминаетъ собою тѣ холмистыя могилы, которыя были найдены у ливовъ побережья р. Аа, хотя въ послѣднемъ случаѣ трупы лежали не цѣлыми массами вмѣстѣ, а большею частью въ одиночку. Одновременно съ типомъ холмистыхъ могильниковъ у эстовъ конца перваго тысячелѣтія продолжаютъ встрѣчаться тѣ же обширные каменные, съ правильными рядами, могильники, которые столь искусными руками возводились, какъ мы видѣли, въ теченіе долгихъ періодовъ времени, начиная со II вѣка христіанскаго лѣтосчисленія. У эстовъ-островитянъ Эзеля, Моона и Дагдена обнаруживаются, правда, могильники существенно иного типа, именно обширныя плоскія кладбища, вымощенныя гранитомъ или плитнякомъ, подъ которыми почти непосредственно покоятся остатки труповъ. Этотъ типъ могильниковъ обязанъ, повидимому, своимъ происхожденіемъ спеціальнымъ особенностямъ почвы, напр., въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ подъ слоемъ земли, толщиной не болѣе нѣсколькихъ дюймовъ, непосредственно простирается твердая каменистая почва, представляющая значительныя препятствія для проникновенія въ болѣе значительную глубину. Но сходство съ эстами материка и здѣсь, на островахъ, проявляется въ повсемѣстномъ распространеніи трупосожженія, доводившееся островитянами даже до полного или почти полного разрушенія частей тѣла и нерѣдко до такой степени основательно, что подъ каменною покрывкою той огромной массовой гробницы, которая была найдена напр., поблизости отъ Оррикюлля, оказались на-лицо лишь весьма скудные останки костей человѣческихъ скелетовъ на-ряду съ многочисленными оружіями и предметами украшенія, подвергнутыми тому же процессу умышленнаго предварительнаго уничтоженія, который, какъ мы видѣли, составляетъ общую особенность предметовъ, находимыхъ въ эстонскихъ могильникахъ.

Но наиболѣе рѣзкая отличительная черта эстонскихъ могильниковъ выражается, повидимому, не столько въ самомъ типѣ ихъ общаго устройства, сколько въ характерѣ ихъ инвентаря. Специфическою особенностью племени эстовъ второй желѣзной эпохи является роскошное нагрудное украшеніе (рис. 2), изготовлявшееся изъ бронзы и состоявшее 1) изъ булавки въ видѣ двойного креста, къ которой при посредствѣ 2) вдѣвавшейся въ ея отверстіе весьма изящной рѣшетообразной, нерѣдко облицованной серебромъ, сквозной митрообразной пластинки, съ узорами на подобіе ленточнаго сплетенія, прикрѣплялись 3) короткія, тяжелыя нагрудныя цѣпи, соединенныя другъ съ другомъ небольшими кольцами. Характерны въ особенности двукрестообразныя бу-

лавки, служившія для прикрѣпленія всего нагруднаго украшенія къ одеждѣ. Наличности ея внѣ черты остьдлости эстовъ еще нигдѣ не удалось обнаружить. Но и митрообразная средняя часть украшенія, нижняя прямая сторона которой снабжена отверстіями для прикрѣпленія цѣпей, съ ея рѣшеткообразною, на подобіе ленточнаго сплетенія, поверхностью можетъ считаться особенностью эстовъ. Черепахообразная фибула, съ прикрѣпленными къ ней многорядовыми тонкими и длинными цѣпями, это

Рис. 2. Національное нагрудное украшеніе эстовъ второго вост.-балтійскаго желѣзнаго періода (изъ бронзы, мѣстами посеребренной).

національное украшеніе родственнаго эстамъ племени ливовъ, нигдѣ не встрѣчается въ эстонскихъ могильникахъ, за-то въ противоположность послѣднимъ эсты охотно опоясывались кожаными ремнями и поясами. Особенную тщательность эсты уже въ самые древніе періоды обнаруживаютъ въ обработкѣ предметовъ изъ желѣза ¹⁾. Свидѣтельствомъ высокой степени развитія у эстовъ техники обработки желѣза могутъ служить тѣ изящно отдѣланные, вдѣтые въ коль-

¹⁾ Этимъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что слово *сепъ* = кузнецъ употребляется эстами и въ смыслѣ „работника“ вообще. Рабочій *хат' ѣξохъν* у эстовъ — кузнецъ, *Rätt-sepp* — портной, *king-sepp* — сапожникъ и проч.

ца, булавки, которые изображены на нашем рис. 3 и способ употребленія которыхъ до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Среди многочисленныхъ предметовъ, изговлявшихся эстами изъ желѣза, встрѣчаемъ, между прочимъ, и косы, столь рѣдкія у родственныхъ ливовъ, ножи, топоры, принадлежности конской сбруи; въ числѣ оружія мечи и кинжалы были находимы въ могильникахъ эстовъ сравнительно не часто, что и понятно въ виду мирнаго характера этого народа, состоявшаго по преимуществу изъ хлѣбопашцевъ, скотоводовъ и кузнецовъ. Наиболѣе распространеннымъ оружіемъ эстовъ является копье, но что и копья не были предметомъ особенной любви и заботы у эстовъ, на это даетъ нѣкоторое указаніе тотъ фактъ, что копья, облицованные серебромъ, въ противоположность ливамъ нигдѣ не встрѣчаются въ странѣ эстовъ, несмотря на необычайное изобиліе у эстовъ серебряныхъ предметовъ, къ которымъ они испытывали особенную страсть и которые они доставали себѣ на своихъ пиратскихъ походахъ. Изъ серебра эсты изготовляли различные предметы украшеній: нашейныя кольца, весьма употребительныя у эстовъ (но часто дѣлались также изъ бронзы), плоскіе браслеты съ характернымъ плетенчатымъ и волнообразнымъ орнаментомъ на нихъ, рѣже перстни, надѣвавшіеся по нѣскольку, до 13 и болѣе штукъ на каждую руку; изъ серебра же дѣлались широкія налобныя ленты, цѣпочки, носимыя въ шевелюрѣ, и проч., но, вообще говоря, головныя украшенія не играли у эстовъ той роли, которая, какъ мы увидимъ ниже, выпадаетъ на ихъ долю у латышей. Точно такъ же у эстовъ не замѣчается національной склонности къ ношенію подвѣсокъ, брелоковъ, столь частыхъ у латышей, и лишь бисеръ, вѣроятно все же какъ предметъ женскаго туалета, найденъ у нихъ въ изобиліи, а тѣ бронзовыя изображенія собакъ и проч., которые носились ливами въ видѣ амулетовъ, даже всецѣло отсутствуютъ въ странѣ эстовъ.

Повсемѣстное среди эстовъ распространеніе обычая трупосоженія объясняетъ почти полное отсутствіе частей или остатковъ одежды и тканей въ ихъ могильникахъ. Въ этомъ отношеніи эстонскіе могильники рѣзко отличаются въ особенности отъ латышскихъ. Латыши хоронили своихъ покойниковъ въ сравнительно неглубокихъ могилахъ, преимущественно поблизости плоскихъ возвышенностей; встрѣчаемыя у эстовъ насыпи, въ видѣ высокихъ холмовъ, надъ могилами у латышей составляютъ большую рѣдкость; также лишь въ видѣ исключенія въ землѣ латышей

Рис. 3. Произведенія желѣзной техники втораго вост.-балтійскаго желѣзнаго періода: а) булавка съ изящнымъ орнаментомъ (Эстлянд. провинц. музей въ Ревелѣ); б) крѣпкая желѣзная булавка съ кольцомъ и съ позолоченными полосками на ней (музей Учен. Эстон. Общ.).

наблюдаются могилы, возведенныя изъ камней, на подобіе тѣхъ, которыя столь характерны для племени эстовъ; наконецъ, могильники латышей почти нигдѣ не обнаруживаютъ признаковъ бывшаго трупосожженія. Характернымъ признакомъ латышскихъ могильниковъ представляется ихъ поразительное богатство остатками предметовъ роскошной одежды. Техника ткацкаго искусства уже въ тѣ ранніе періоды достигала у латышей поразительной степени совершенства, и извѣстно, что ткацкій промыселъ еще въ настоящее время процвѣтаетъ у этого племени въ отличіе отъ эстовъ - кузнецовъ по преимуществу. Особеннымъ распространеніемъ у латышей, вѣроятно обоого пола, пользовались головныя повязки, состоявшія обыкновенно изъ 5 рядовъ бронзовыхъ спиралей, надѣвавшихся на лыко и отдѣлявшіяся другъ отъ друга бронзовыми пластинками, а у женщинъ съ головы ниспадали длинныя, на подобіе буклей, приборы, приготовлявшіеся изъ шерсти и обхваченные кругомъ бронзовыми спиралями. Такіе приборы составляютъ отличительную черту латышскихъ могильниковъ. Весьма изобилуютъ латышскіе могильники различными подвѣсками или брелоками, между которыми особенно характерны крестообразныя амулеты, нерѣдко весьма изящной работы, не встрѣчающіеся ни у эстовъ, ни у ливовъ. Очень распространены въ нихъ также цѣпи, носившіяся, вѣроятно, на плечѣ; но черепахообразная фибула, служившая у ливовъ для прикрѣпленія любимыхъ ими длинныхъ цѣпей, совершенно чужда латышамъ, и она у послѣднихъ всецѣло уступаетъ національному украшенію латышки — затылочной бляхѣ, полукружной пластинкѣ, къ обоимъ загнутымъ концамъ которой привѣшивались цѣпи посредствомъ двойныхъ крючковъ. Весьма бѣдны латышскіе могильники серебромъ, въ отличіе отъ ливовъ и эстовъ; отсутствуютъ въ нихъ тѣ урны, которыя такъ распространены въ могильникахъ ливовъ; сравнительно бѣдны они также желѣзомъ и бисеромъ; въ противоположность сосѣднимъ эстамъ - кузнецамъ орудія для хлѣбопашества почти совершенно отсутствуютъ; за то часто встрѣчаются топоры и копья. Двукрестообразная фибула эстовъ также совершенно не извѣстна латышамъ, какъ она не извѣстна и ливамъ. Также не извѣстны послѣднимъ спиральныя браслеты и нашейныя кольца, часто находимыя въ инвентаряхъ латышскихъ могильниковъ.

Итакъ, несмотря на близкое сосѣдство трехъ первоначальныхъ расовыхъ элементовъ вост.-балтійскаго побережья, несмотря на тѣсное соприкосновеніе между ними въ продолженіе многихъ вѣковъ, тѣмъ не менѣе могильники каждаго изъ нихъ еще въ сравнительно позднее время носятъ, повидимому, вполне опредѣленный и какъ бы чисто національный характеръ, отпечатокъ особенностей культуры соотвѣтствующей племенной группы. Эти особенности выражаются какъ въ самомъ типѣ сооруженія могильниковъ, въ приемахъ погребенія труповъ, такъ и въ характерѣ мо-

гильнаго инвентаря. Для эстовъ характерны, большею частью, холмообразныя могилы, а рядомъ съ ними и обширныя могильники изъ длинныхъ правильныхъ рядовъ каменьевъ, почти всюду съ признаками бывшаго трупосоженія. Ливы хоронили своихъ покойниковъ также подъ холмиками вышиною въ 1 метръ, но послѣдніе, по крайней мѣрѣ у ливовъ побережья р. Аа, первоначально не покрывались камнями. Наконецъ, латыши предпочитали поверхностный типъ могильниковъ, такъ же, какъ ливы, не закрывали ихъ камнями и, подобно ливамъ же, прибѣгали къ трупосоженію лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Національныя украшенія эстовъ—двукрестообразная игла съ митрообразною защѣпкою, ливовъ—черепашня фибула, длинныя нагрудныя цѣпи и множество серебряныхъ амулетовъ и подвѣсокъ, наконецъ, латышей—роскошныя ткани, головныя повязки и затылочные бляхи. Какъ извѣстно, всѣ прежнія попытки, направленные къ классификаціи прибалтійскихъ могильниковъ по національностямъ, оказались малоуспѣшными, и лишь благодаря неустаннымъ трудамъ проф. Р. Гаусмана, были выяснены, путемъ всесторонняго изученія всего существующаго археологическаго матеріала, тѣ признаки, на основаніи которыхъ въ настоящее время представляется возможнымъ судить о принадлежности прибалтійскихъ могильниковъ—конечно, при условіи наличности въ нихъ соотвѣтствующаго инвентаря—къ той или другой племенной группѣ, хотя не слѣдуетъ при этомъ выпускать изъ виду, что археологическій матеріалъ, собранный до сихъ поръ въ предѣлахъ вост.-балтійскаго поморья, еще заключаетъ въ себѣ значительныя пробѣлы и въ отношеніи научной полноты оставляетъ еще желать весьма многого.

Мы не сочли бы себя обязанными остановиться здѣсь на этомъ предметѣ, если бы возможность точной этнологической діагностики нашихъ балтійскихъ могильниковъ не имѣла непосредственнаго и притомъ весьма существеннаго значенія также и съ точки зрѣнія физической антропологии. Безспорно, что племена, населяющія Прибалтійское поморье уже въ теченіе не менѣе одного тысячелѣтія, весьма мало извѣстны намъ по своимъ физическимъ особенностямъ. Существующія въ этомъ направленіи изслѣдованія являются передъ судомъ современной научной антропологии не болѣе, какъ робкими попытками уже въ виду одной малочисленности наблюденій и фактовъ, легшихъ въ ихъ основаніе. Достаточно вспомнить, что крапология латышей и ливовъ до сихъ поръ остается даже всецѣло незатронутою. Необходимый въ данномъ случаѣ антропологическій матеріалъ могутъ намъ представить въ желательной полнотѣ со временемъ только могильники. Это особенно имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ ливамъ—тому когда-то могущественному, балтійскому племени, которое въ настоящее время близко къ окончательному вымиранію. Благодаря новѣйшимъ успѣхамъ археологии въ дѣлѣ племенной діагностики могильниковъ, антропологи въ скоромъ времени будутъ имѣть въ своемъ

распоряженіи многочисленныя костяки и черепа несомнѣнно ливскаго происхожденія, на основаніи изученія которыхъ, наконецъ, удастся съ большей опредѣленностью выяснить физическій типъ этого во многихъ отношеніяхъ интереснаго племени и отношеніе его какъ къ латышамъ, такъ и къ эстамъ и другимъ типамъ финской группы народовъ. Надежда, что физическій обликъ древнихъ латышей и храбрыхъ ливскихъ воиновъ въ скоромъ времени воскреснетъ передъ взорами антропологовъ, основывается и на томъ благопріятномъ обстоятельстве, что въ громадномъ большинствѣ могильниковъ этихъ двухъ племенъ костяки сжигались въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, и обычай трупосожженія, который въ теченіе многихъ вѣковъ является какъ бы отличительною чертою племени древнихъ эстовъ, не былъ распространенъ среди нихъ.

Въ моментъ появленія западныхъ завоевателей въ Прибалтійскомъ краѣ доисторическая эра племени эстовъ переходитъ въ историческую. Когда рыцари прусскаго ордена Меча впервые высадились въ 1186 г. на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, они здѣсь встрѣтили три племени, находившіяся въ то время почти на одинаковой степени религіознаго развитія. Сравнительно легко доступными ученіямъ новой вѣры оказались ливы, съ которыми нѣмецкимъ завоевателямъ пришлось столкнуться впервые. Еще удачнѣе была дѣятельность ордена между латышами. Какъ ливы, такъ и латыши скорѣ стали дѣйствовать сообща съ орденомъ въ борьбѣ его съ языческимъ племенемъ эстовъ. Послѣдніе, по свидѣтельству Генриха Латыша, исторіографа того времени, представляли изъ себя храброе, но большею частью жестокое и коварное племя, которое только мѣстами отличалось честностью и прямою нравовъ. Они обитали отчасти въ болѣе или менѣе многочисленныхъ деревняхъ или селеніяхъ, отчасти въ подземныхъ пещерахъ. Ихъ земля, раздѣленная на области, была хорошо защищена отъ вторженія враговъ. Особой политической организаціи между ними, повидимому, не существовало, хотя и выбирались старшины (*seniores*) и даже князья (*principes et meliores*). Сильно было развито хлѣбопашество, но еще болѣе процвѣтали скотоводство и рядомъ съ послѣднимъ также пчеловодство. Не отличаясь воинственнымъ характеромъ, древніе эсты, тѣмъ не менѣе, хорошо умѣли обращаться съ мечомъ и копьемъ, со стрѣлою и пращею, вооружались щитами и палицами и часто пользовались также дубинами, какъ орудіемъ для борьбы. Для защиты противъ враговъ они возводили земляные или деревянные окопы и каменные укрѣпленія. Объ изящныхъ искусствахъ эсты времени Генриха Латыша еще не имѣли представленія. Покойники хоронились ими торжественно при печальныхъ церемоніяхъ и торжествахъ. Рядомъ съ Укко, властителемъ грома и молніи, высшимъ божествомъ языческихъ эстовъ является Таара или Таарапита, которому они въ опредѣленные дни при-

носили въ жертву человѣческую кровь, добывавшуюся изъ указательнаго пальца. Таара воплощалъ въ себѣ принципъ доброты и миролюбія. Покровителемъ кузнечнаго искусства служилъ богъ Ильмарине, властитель воздуха и огня. Наконецъ, въ лицѣ Ванамуйне, эстонскаго Аполлона, обожался представитель премудрости и колдовства, отецъ пѣнія и рѣчи. Характернымъ для языческаго культа эстовъ, какъ и финскихъ племенъ вообще, является представленіе о свѣтлыхъ существахъ, людяхъ, происшедшихъ изъ смѣшенія боговъ со смертными. Народная фантазія финновъ и эстовъ создала множество такихъ полубоговъ, всюду повторяющихся въ ихъ эпическихъ произведеніяхъ.

При такомъ развитіи началъ язычества становится понятнымъ то ожесточенное сопротивленіе, которое эсты оказывали германскимъ инновѣрческимъ завоевателямъ и которое еще усугублялось ихъ ненавистью къ ливамъ и латышамъ, покорившимся власти ордена. Лишь благодаря энергичному вмѣшательству датскаго короля Вальдемара Побѣдоноснаго, прибывшаго въ 1219 г. на помощь ордену по призыву епископа Альберта, покореніе и крещеніе языческихъ эстовъ стало приближаться къ своему осуществленію, хотя окончательное порабоженіе эстовъ наступило только въ 1227 г. вмѣстѣ съ завоеваніемъ острова Эзеля. Потерявши вмѣстѣ со свободою и свою политическую обособленность, эсты въ послѣдующіе періоды времени поступаютъ изъ нѣмецкаго въ польское, а затѣмъ и въ шведское господство, пока, наконецъ, въ 1710 г. происходитъ ихъ присоединеніе къ Россійской имперіи.

Естественно, что постоянные политическіе перевороты и зависимое социальное положеніе, которымъ подвергались эсты съ момента ихъ порабоженія вплоть до конца XVIII стол., должны были рѣзко отразиться на культурномъ развитіи этого племени. Освобожденіе отъ крѣпостного права возвратило эстамъ наиболѣе элементарныя человѣческія права, но матеріальное и хозяйственное положеніе ихъ осталось почти такимъ же тяжкимъ, какимъ оно было до момента возвращенія имъ личной свободы. Лишь отмѣна барщинной повинности, послѣдовавшая въ 1868 г., существенно измѣнила къ лучшему матеріальное положеніе эстонскаго крестьянина. Съ этого времени замѣчается медленное, но постоянное повышеніе общаго культурнаго уровня эстовъ. Благосостояніе крестьянскаго сословія становится удовлетворительнымъ; прежнія бревенчатыя строенія, напоминавшія собою, по выраженію одного изъ авторовъ, скорѣе хлѣвъ, чѣмъ человѣческое жилище, уступили мѣсто опрятнымъ и просторнымъ крестьянскимъ усадьбамъ; наконецъ, съ того же времени и образованіе начинается все больше распространяться среди эстовъ.

Литературный эстонскій языкъ существуетъ лишь съ половины XVIII в., когда появилась на свѣтъ первая эстонская библія, переведенная пасторомъ Гелле. Въ началѣ XIX стол., благодаря изданію первыхъ народ-

ныхъ книгъ, было положено основаніе развитію эстонскаго народнаго языка, а въ новѣйшее время неустанными трудами эстонскаго ученаго Крейцвальда было возсоздано національное эпическое стихотвореніе эстовъ, извѣстное во всемірной литературѣ подъ названіемъ *Kalevipoeg*. Журналистика и народная литература эстовъ достигла весьма видной степени развитія, о чемъ свидѣлствуетъ большое число періодическихъ изданій, появляющихся на эстонскомъ языкѣ. Рядъ выдающихся ученыхъ союзовъ, въ числѣ ихъ особенно «Ученое Эстонское Общество» и «Литературное Эстляндское Общество», посвящаетъ свои труды изученію языка и исторіи эстовъ.

Эстонскій языкъ на-ряду съ финскимъ, т. наз. *суоми*, отъ котораго онъ отличается лишь особенностями діалекта, является наиболѣе выдающимся звеномъ въ ряду западно-финскихъ нарѣчій. Переходъ между *суоми* и эстонскимъ языкомъ образуетъ языкъ *вепсовъ* и *вотяковъ*, въ то время какъ языкъ *ливовъ* наиболѣе приближается къ эстонскому. Можно сказать, что эстонскій языкъ родствененъ съ финскимъ, въ отношеніи производнаго къ первоначальному. Онъ распадается на два главныхъ діалекта: дерптскій и ревельскій, изъ которыхъ первый по своему распространенію значительно уступаетъ послѣднему, отличаясь отъ него цѣлымъ рядомъ искаженій и сокращеніемъ многихъ финскихъ словъ и образованій. Съ своей стороны, ревельскій діалектъ расщепляется на многочисленныя нарѣчія, различествующія между собою не по существу, а только способомъ произношенія и употребленія отдѣльныхъ словъ. Въ отношеніи богатства формъ и своей пластичности эстонскій языкъ, по единогласному свидѣтельству ученыхъ, стоитъ на одномъ уровнѣ съ другими европейскими языками. Для склоненія имѣется не менѣе 15 падежей; существуетъ, кромѣ того, склоненіе особаго типа—склоненіе корня словъ. Характерною особенностью эстонскаго языка является полное отсутствіе шипящихъ звуковъ, а также то, общее всѣмъ финскимъ языкамъ, правило, что всѣ слова безъ исключенія начинаются твердымъ звукомъ. Полъ не различается на эстонскомъ языкѣ. Современное языковѣднѣе причисляетъ и эстонскій языкъ къ т. наз. флектирующимъ языкамъ, такъ какъ потеря самостоятельности суффиксовъ не составляетъ исключительной особенности семитскихъ или арійскихъ языковъ.

Современная область географическаго распространенія эстовъ ограничивается преимущественно Эстляндіею съ принадлежащими къ ней островами и сѣвѣрною частью Лифляндской губ. Нѣкоторое число эстовъ разсѣяно по Витебской и С.-Петербургской губ., гдѣ они извѣстны подъ общимъ названіемъ «чухна», а въ Псковской губ. встрѣчается особый этнографическій типъ эстовъ, т. наз. *Setud* или *Setukesed*. Послѣдніе, получившіе отъ своихъ русскихъ сосѣдей имя «полувѣрцевъ», съ давнихъ поръ находятся подъ исключительнымъ вліяніемъ русской

культуры и въ отличіе отъ своихъ остзейскихъ соплеменниковъ принадлежать къ православной церкви, но, несмотря на все это, въ общемъ прекрасно сохранили не только свою національную этнографическую обособленность, но, благодаря рѣдкости браковъ съ чужими элементами, въ значительной степени и чистоту своей расы. Во всѣхъ только-что перечисленныхъ областяхъ насчитывается въ общей сложности около одного милліона эстовъ обоого пола, хотя точное опредѣленіе ихъ числа въ настоящее время невозможно въ виду отсутствія соответствующихъ официальныхъ данныхъ. Въ однѣхъ прибалтійскихъ губерніяхъ число эстовъ достигаетъ 840.000. Здѣсь сохраненію этнологической обособленности въ высокой степени должны были благоприятствовать морскія границы, долгое время ограждавшія эстовъ на сѣверѣ и на западѣ отъ вліянія чужихъ расъ. Смѣшенію съ латышскимъ племенемъ значительно препятствовали подобныя же особенности народной этики, какія отдѣляли и еще до сихъ поръ отдѣляютъ эстовъ отъ пришлыхъ элементовъ германской, славянской и другихъ живущихъ среди нихъ народностей. Въ какой степени эсты, благодаря такимъ условіямъ, дѣйствительно сохранили до настоящаго времени свою обособленность и чистоту своей расы, должно показать намъ разсмотрѣніе ихъ физическаго типа, составляющее предметъ нижеслѣдующихъ страницъ нашего эскиза.

II.

Физическій типъ племени эстовъ.

Величина и общая форма черепа.—Типъ лицевой части черепа у финновъ и эстовъ.—Признаки окраски вѣшнихъ покрововъ, волосъ и радужной оболочки глазъ.—Ростъ и пропорціи отдѣльныхъ частей тѣла у эстовъ.—Форма женскаго таза и особенности его размѣровъ.—Половая жизнь эстонки-производительницы.

Изученіе физической организаціи эстовъ открываетъ намъ рядъ такихъ особенностей строенія тѣла, которыя на первый взглядъ представляются какъ бы рѣзкою отличительною чертою этого племени по сравненію съ славянскою, германскою и другими т. наз. индо-европейскими расами. Уже по своимъ общимъ фізіогномическимъ признакамъ эсты являются въ тишихъ случаяхъ настолько ясно обособленными, что опредѣленіе ихъ племенной принадлежности рѣдко бываетъ связано съ значительными затрудненіями. Другіе, легко бросающіеся въ глаза, физическіе признаки эстовъ, каковы: голубые свѣтлые глаза, свѣтлорусые волосы, отмѣчаются во всѣхъ старыхъ и новѣйшихъ описаніяхъ, посвященныхъ разсматриваемому племени, и постоянство этого типа настолько велико, что темноволосые субъекты, по мнѣнію одного автора XVIII стол., если и встрѣчаются среди эстовъ, то лишь въ видѣ бастардовъ «отъ смѣшенія съ нѣмцами».

Свѣтлый типъ финской расы, какъ извѣстно, вошелъ въ поговорку, такъ что заявленія, сдѣланныя въ свое время Quatrefages'омъ относительно смуглости типа эстовъ и финновъ, представляются явно парадоксальными. Существуютъ описанія, по которымъ племенные особенности эстовъ выражаются небольшимъ ростомъ, но крѣпкимъ сложеніемъ, жесткими, красновато-лыняного цвѣта волосами, узкимъ лбомъ, заостреннымъ носомъ, небольшими глубоко лежащими глазами и четырехугольною формою лица. Другіе наблюдатели отмѣчаютъ рѣзко выраженную четырехугольную форму глазницъ, узость глазныхъ щелей, выстояніе верхней челюсти и скуловыхъ костей, какъ особенно характерныя черты эстовъ, принадлежащихъ, согласно выраженію одного выдающагося наблюдателя, по преимуществу къ свѣтлому брахицефалическому типу. Такія и подобныя имъ афористическія заявленія, повторяющіяся въ литературѣ разбираемаго нами предмета и основанныя лишь отчасти на объективныхъ наблюденіяхъ, мы въ данномъ случаѣ охотно склонны окончательно сдѣть въ архивъ застарѣлыхъ антропологическихъ матеріаловъ.

Примѣняя къ изученію племени эстовъ научные методы современнаго антропологическаго изслѣдованія, мы попытаемся точнѣе установить причину расовой обособленности типа этого племени и дать ей объективную характеристику на основаніи анатомическихъ, фізіологическихъ и сравнительно-антропологическихъ фактовъ. Наблюденія на живыхъ, описательные и измѣрительные признаки формы живого организма, наряду съ результатами анатомическаго изслѣдованія организма и его составныхъ частей на трупѣ, должны служить основаніемъ къ выясненію племенного типа эстовъ и ихъ антропологическаго отношенія къ другимъ расамъ человѣчества. Въ настоящую минуту эта задача осуществима только отчасти, насколько это позволяетъ объемъ фактическаго матеріала, который намъ удалось собрать по физической антропологіи эстовъ и который, къ сожалѣнію, далеко не отличается полнотою съ точки зрѣнія современныхъ требованій антропологической и сравнительно-расовой методологіи. Въ виду этого представляемый нами настоящій очеркъ физическаго типа эстовъ не стремится къ окончательному и вполне опредѣленному выясненію всѣхъ затрогиваемыхъ въ немъ вопросовъ. Напротивъ, во многихъ отношеніяхъ, желая относиться критически и вполне объективно къ изслѣдуемому предмету, мы должны будемъ ограничиться болѣе краткими и общими указаніями и заключеніями, высказываясь болѣе опредѣленно лишь по такимъ вопросамъ, которые мы имѣемъ возможность подвергнуть разсмотрѣнію и провѣркѣ на основаніи достаточнаго числа собственныхъ наблюденій и изслѣдованій.

Наиболѣе характернымъ для современнаго уровня научной антропологіи эстовъ является состояніе нашихъ свѣдѣній по краниологіи

этого племени. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ ранѣе всего коснуться въ нѣсколькихъ словахъ вопроса о формѣ и размѣрахъ головы и черепа у эстовъ. Начинаемъ съ разсмотрѣнія черепной полости.

Если величину кубической ёмкости черепа принимать какъ мѣрило степени развитія мозга и если на основаніи этой величины судить о степени умственного и психическаго развитія расы, то существующія данныя относительно внутричерепной ёмкости у эстовъ, по нашему мнѣнію, допускаютъ лишь одно заключеніе, что это племя занимаетъ приблизительно такое же среднее положеніе въ числѣ представителей бѣлой расы, какое занимаютъ въ этомъ отношеніи не только многія другія племена угро-финской группы, но и огромное большинство европейскихъ народовъ вообще. Пренія предположенія относительно малой величины внутричерепной ёмкости у эстовъ, по сравненію, напр., съ германцами, далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Мы считаемъ излишнимъ вдаваться здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ относящихся сюда цифровыхъ данныхъ, слишкомъ еще недостаточныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Упомянемъ лишь, что среди скромнаго числа 54 мужскихъ эстонскихъ череповъ, о которыхъ мы могли собрать данныя, 18 имѣютъ ёмкость отъ 1400—1500 к. с., а у 9 изъ нихъ ёмкость значительно превышаетъ предполагаемую среднюю величину (равную для бѣлой

Рис. 4. Молодая эстонка въ національномъ костюмѣ.

расы, по Morton'у, 1422 к. с.), достигая крайней цифры въ 1700 к. с. Повидимому, и здѣсь границы варіированія довольно широки, но, несмотря на это, мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать о томъ, что ни одинъ изъ измѣренныхъ эстонскихъ мужскихъ череповъ не заключалъ въ себѣ менѣе 1150 к. с.,—цифра, приблизительно соотвѣтствующая средней вмѣстимости человѣческаго черепа вообще. Къ подобному же выводу можно прийти также по отношенію къ женскому эстонскому черепу, ёмкость котораго почти точно соотвѣтствуетъ средней величинѣ ея у другихъ представителей бѣлой расы. Меньшая ёмкость женскихъ череповъ, по сравненію съ мужскими, и здѣсь выражается въ томъ, что большинство первыхъ распределяется въ

границахъ отъ 1200—1400 к. с., въ то время какъ максимальное число вторыхъ соответствуетъ емкости въ 1450—1500 к. с. Число существующихъ измѣреній емкости женскихъ череповъ, правда, еще гораздо менѣе, чѣмъ количество соответствующихъ наблюдений надъ мужскими черепами, и само по себѣ еще не можетъ служить основаніемъ для опредѣленныхъ выводовъ; но позволительно думать, что и дальнѣйшія измѣренія въ данномъ случаѣ врядъ ли принесутъ результаты существенно иного характера, въ пользу чего говорятъ также тѣ данныя, которыя мы могли представить относительно размѣровъ самого мозга у эстовъ и о которыхъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ настоящаго эскиза.

Что касается прочихъ размѣровъ черепа, то по отношенію громаднаго большинства изъ нихъ обнаруживается поразительное сходство между эстами и большинствомъ другихъ финскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ, если руководствоваться при такомъ сравненіи средними цифрами и не принимать во вниманіе особенностей индивидуальныхъ колебаній. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ у племени финновъ (въ собственномъ смыслѣ) почти ту же величину горизонтальной окружности черепа, равную въ среднемъ около 52 сант., какъ и у эстовъ; точно также и размѣръ высоты ортоцефалическаго, съ наклонностью къ гипсицефаліи, черепа равенъ у обоихъ этихъ племенъ; почти совпадаютъ у нихъ, далѣе, размѣры отдѣльныхъ частей лица, форма большихъ угловатыхъ глазницъ, эллиптическаго затылочнаго отверстія и т. д. Вообще, при взглядѣ на среднія цифры, нетрудно прійти къ заключенію, что оба названныя племени настолько же близки между собою въ физическомъ отношеніи, насколько они родственны между собою по своимъ лингвистическимъ, историческимъ и другимъ признакамъ. Но, къ сожалѣнію, этотъ выводъ долженъ быть признанъ слишкомъ преждевременнымъ уже въ виду неодинаковости числа наблюдений, которымъ вышеуказанныя среднія цифры обязаны своимъ происхожденіемъ. Съ другой стороны, весьма возможно и даже вѣроятно, что та значительная разница, которая существуетъ, напр., между емкостью финскихъ и эстонскихъ череповъ, сгладилась бы при сравненіи одинаковыхъ количествъ череповъ того и другого племени. Емкость черепа, по видимому, принадлежитъ къ числу тѣхъ признаковъ, которымъ присуща особенно сильная наклонность къ варіированію, что и понятно въ виду отношенія этого размѣра черепа къ величинѣ мозга и въ виду необычнаго разнообразія наблюдаемыхъ въ отношеніи степени развитія психическихъ способностей. Для изслѣдованія черепной емкости необходимо поэтому имѣть въ распоряженіи несравненно большее количество измѣреній, чѣмъ то необходимо, напр., для изученія пропорцій лица, длины и ширины нижней челюсти и проч. Если же, несмотря на замѣтную разницу своей емкости, черепа финновъ и эстовъ по большинству другихъ своихъ размѣровъ оказались, какъ мы видѣли, между собою весьма схожими, то не

слѣдуетъ забывать, что незамѣтнымъ измѣненіямъ линейныхъ размѣровъ черепа могутъ и должны соответствовать очень существенныя измѣненія кубической вмѣстимости, не говоря уже о томъ, что послѣдняя находится въ существенной зависимости, между прочимъ, и отъ толщины тѣхъ стѣнокъ, которыя составляютъ собою черепную чашу.

Почти такія же среднія отношенія, какъ величина внутричерепной емкости, обнаруживаетъ и общая форма мозговой части черепа у эстовъ. Обладая головнымъ указателемъ, равнымъ на скелетированныхъ черепахъ 78, а на головѣ живыхъ даже 79, и замѣтно приближаясь такимъ образомъ къ категоріи короткоголовости, эсты, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи отстоятъ на весьма значительномъ разстояніи какъ отъ болѣе высокихъ степеней брахицефалии, наблюдаемыхъ, напр., среди мордвы и лопарей, такъ и отъ настоящей длинноголовости родственныхъ имъ вогуловъ и чувашей. Замѣчательно, что по величинѣ головного указателя эсты находятся почти на одинаковой ступени съ племенемъ ливовъ, отъ которыхъ они, какъ мы увидимъ ниже, по другимъ признакамъ своего внѣшняго физическаго типа отличаются весьма существеннымъ образомъ. Это обстоятельство въ связи съ тою ролью, какую играетъ общая конфигурація черепа и въ частности черепной указатель въ научной классификаціи человѣческихъ расъ, способно поддерживать естественное предположеніе о томъ,

Рис. 5. Типъ эста средняго возраста
(Средняя Лифляндія).

что ливы и эсты, столь близкіе другъ другу по своимъ лингвистическимъ признакамъ и по своему географическому положенію, должны быть родственны между собою также по своему физическому типу. Нельзя не упомянуть при этомъ, что оба названные племена въ одинаковой мѣрѣ отличаются даже отъ сосѣднихъ финновъ великаго княжества значительно менѣе округлыми очертаніями черепа, хотя у тѣхъ и другихъ естественно наблюдаются всѣ переходныя формы между долихоцефаліею и значительными степенями брахицефалии. Слѣдуетъ ли причислять эстовъ по типу устройства ихъ черепа къ мезоцефалической или къ брахицефалической группѣ, трудно опредѣлить на основаніи тѣхъ сравнительно немно-

гочисленныхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ по настоящему вопросу; терминъ «мезоцефалія», часто уже употреблявшійся по отношенію къ эстамъ, врядъ ли дастъ правильное представленіе о черепномъ типѣ этого племени, какъ въ томъ мы могли убѣдиться при нашихъ измѣреніяхъ, произведенныхъ нами на большомъ числѣ (болѣе тысячи) новобранцевъ эстонскаго происхожденія. Вѣрнѣе всего, въ данномъ случаѣ намъ казалось бы заключеніе, что племя эстовъ по формѣ черепа находится на границѣ брахицефаліи или что оно принадлежитъ къ племенамъ мезоцефалическимъ, обнаруживающимъ ясную наклонность къ брахицефаліи. Въ то же время черепа эстовъ, если имѣть въ виду отношеніе ихъ ширины къ высотному діаметру, скорѣе всего слѣдуетъ считать ортоцефалическими, что становится вполнѣ очевиднымъ при изученіи ихъ въ затылочной нормѣ, чаще всего представляющей изъ себя довольно высокую пятиугольную фигуру съ значительно выдающимися въ обѣ стороны теменными буграми. Существуетъ даже замѣтная наклонность къ гипсицефаліи, и лишь жепскіе эстонскіе черепа болѣе часто проявляютъ ясные признаки хамецефаліи, что наблюдается, повидимому, какъ результатъ половыхъ особенностей развитія мозговой чаши, и среди многихъ другихъ человѣческихъ расъ. Фактъ сильнаго развитія наружнаго затылочнаго бугра, которое наблюдалось на многихъ эстонскихъ черепахъ, обратилъ на себя наше вниманіе при измѣреніи головы большого количества эстонскихъ новобранцевъ вслѣдствіе того, что этотъ бугоръ, будучи во многихъ случаяхъ расположенъ на мѣстѣ наибольшей выпуклости затылочной области, благодаря большимъ колебаніямъ въ степени своего развитія, можетъ служить источникомъ замѣтныхъ ошибокъ при опредѣленіи наибольшей длины черепа. Подобно затылочнымъ буграмъ и прочимъ мѣстамъ мышечныхъ прикрѣпленій въ рассматриваемой области, порядочныхъ размѣровъ достигаютъ и сосцевидные отростки, въ особенности у мужчинъ.

Отъ мозговой части черепа переходимъ къ лицевой. Часто говорятъ о финскомъ типѣ лица. Что этой расѣ дѣйствительно присуще особое сложеніе частей лица, почти безспорно (рис. 4, 5, 10 и 11). Но въ чемъ именно выражается эта особенность? Ключъ къ выясненію сущности послѣдней необходимо искать въ устройствѣ лицевого скелета. Прежде всего несомнѣнно, что на финскихъ и монгольскихъ черепахъ во многихъ случаяхъ наблюдается сильное развитіе и рѣзкое vystoяніе въ сторону скуловыхъ костей, что придаетъ субъектамъ этихъ расъ обще извѣстный фізіогномическій признакъ «скуластости». Этотъ признакъ часто обращаетъ на себя вниманіе и среди нашихъ эстовъ (см. рис. 6). Скуловые кости черепа у эстовъ сильно выдаются въ сторону, что замѣтно не только при взглядѣ на черепъ спереди, но и сверху; въ особенности у мужчинъ эта черта часто обнаруживается весьма рѣзко. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что и общія пропорціи лицевого скелета играютъ суще-

ственную роль въ происхожденіи характернаго монголоиднаго и финскаго типа лица. Такъ, поперечный скуловой діаметръ, по сравненію съ длиною

Рис. 6. Черепъ эста средняго возраста (разст. между нижн. углами *suturae maxillo-zugomaticae*—98 мм., между наиб. выдающимися впередъ и кнаружи точками скулов. костей—111 мм., между скулов. дугами—133, между внутрен. краями орбитъ—24, между углами нижн. челюстей—105, между носомъ и нижн. краемъ нижн. челюсти—129, между носомъ и альвеолар. краемъ верх. челюсти—79; наимен. ширина лба—100 мм.; лобная лысина и надбровныя дуги выражены рѣзко; углубленные верхніе края орбитъ заострены, нижніе и боковыя—закруглены; длинная Ворміева косточка въ правомъ *pteryon*; альвеоларный прогнатизмъ; рѣзцы расположены по типу псалидодонтіи, характерному для финскаго племени; подбородокъ сильно выдается впередъ; вообще половыя особенности черепа выражены весьма ясно).

лица, достигаетъ у эстовъ весьма значительныхъ размѣровъ, въ особенности у женщинъ. При одинаковой ширинѣ т. наз. лицевая линия (т.-е. разстояніе отъ лбно-носового шва до нижняго края подбородка) на че-

репахъ эстовъ замѣтно короче, чѣмъ у истинныхъ монголовъ (Ивановскій). Скелетъ лица, такимъ образомъ, можетъ быть названъ низкимъ и широкимъ, что и выражается въ величинѣ лицевого показателя, лежащаго около 90. Если, несмотря на это, контуръ лица эстовъ, по заявленію нѣкоторыхъ наблюдателей, чаще всего представляетъ форму болѣе или менѣе правильнаго овала и рѣже бываетъ округленъ, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что лицо въ анатомическомъ смыслѣ не совпадаетъ съ лицомъ въ фізіогномическомъ значеніи этого слова, такъ какъ во второмъ случаѣ существенную роль играетъ форма лба, линія начала волосъ и тому подобныя признаки, лежащіе уже въ предѣлахъ мозговой части черепа. Развитію овальной формы лицевого контура препятствуетъ уже значительная величина того размѣра, который существуетъ между изогнутыми въ обѣ стороны углами нижней челюсти и который въ среднемъ достигаетъ около 11 сант. Этотъ размѣръ особенно великъ въ сравненіи съ длиною лица, или т. наз. лицевою линіею. Попытка провести параллель между только-что названными размѣрами черепа у эстовъ и соотвѣтствующими данными, собранными по отношенію къ другимъ племенамъ финскаго, монголоиднаго и другихъ типовъ, къ сожалѣнію, остается почти безрезультатною въ виду того, что приводимыя въ различныхъ источникахъ цифровыя указанія частью неудобосравнимы, частью же прямо противорѣчатъ другъ другу. Иллюстраціе малопрігодности многихъ соотвѣтствующихъ литературныхъ указаній можетъ служить уже тотъ любопытный фактъ, что, согласно существующимъ изслѣдованіямъ, ширина лица у эстовъ на костяхъ оказывается меньше, а на головѣ живыхъ больше по сравненію съ длиннымъ діаметромъ или лицевой линіей. Къ тому же, если въ отношеніи пропорцій лица существующія измѣренія не въ состояніи установить сходства между эстами и близкимъ имъ, повидимому, племенемъ ливовъ, то отъ сравненія первыхъ съ другими болѣе отдаленными типами врядъ ли возможно ожидать заслуживающихъ довѣрія заключеній. Объективный анализъ всѣхъ данныхъ, имѣющихся по вопросу о размѣрахъ и пропорціяхъ лицевого скелета у племенъ т. наз. финскаго типа, и сличеніе этихъ данныхъ съ соотвѣтствующими измѣреніями, произведенными на племенахъ монгольской расы, убѣждаетъ насъ въ томъ, что о сходствѣ устройства лица у племенъ первой и второй категоріи пока не можетъ быть и рѣчи. Мы можемъ лишь сказать, что та особая конфигурація частей скелета лица, которому эсты (вѣроятно, также и многіе другіе представители т. наз. финской группы народовъ) обязаны своимъ характернымъ фізіогномическимъ типомъ, обуславливается 1) значительнымъ развитіемъ въ ширину средней или скуловой области лица, 2) сильнымъ развитіемъ самихъ скуловыхъ костей съ одновременнымъ значительнымъ выстояніемъ ихъ плоскихъ поверхностей впередъ и наружу, 3) абсолютно и относительно малыми размѣрами длинника лица,

если считать за таковое разстояніе отъ лобно-носового шва до нижняго края подбородка или подбородочной ости, и 4) сильнымъ развитіемъ и нѣкоторымъ выстояніемъ въ сторону значительно отдаленныхъ другъ отъ друга угловъ нижней челюсти, чѣмъ обусловливается рѣзкое развитіе широтнаго діаметра и въ нижней части лица. Нѣкоторое значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ, безспорно, и особенности глазницъ, отличающихся у эстовъ низкою формою съ весьма рѣзкою наклонностью къ микроземіи, большими общими размѣрами, рѣзко выраженными углами и замѣтно косымъ направленіемъ кнаружи и книзу ихъ длинныхъ осей. Къ тому же намъ во многихъ случаяхъ бросалось въ глаза чрезмѣрное, особенно въ сравненіи съ черепами германской расы, развитіе межглазничной ширины на эстонскихъ черепахъ, которое, однако-же, не находится въ зависимости отъ особой ширины самихъ носовыхъ костей. Вообще въ отношеніи устройства носовой области (носовыхъ костей и грушевиднаго отверстія) мы не могли отмѣтить на черепахъ эстовъ несомнѣнныхъ расовыхъ признаковъ, если не принимать во вниманіе нѣкотораго углубленія области nasion'a и замѣтнаго направленія впередъ нижняго участка носовыхъ костей,—особенности, свойственныя, можетъ-быть, въ одинаковой степени и другимъ расамъ, на подобіе того альвеолярнаго прогнатизма, который уже отмѣчался и ранѣе при описаніи формы эстонскихъ череповъ. Ножницеобразный типъ расположенія верхнихъ и нижнихъ рѣзцовъ (псалидодонтія) является преобладающимъ

Рис. 7. Ножницеобразное расположеніе рѣзцовъ верхней и нижней челюсти у эстовъ по типу псалидодонтіи, обычное для германской и романской расъ и наблюдаемое (по Велькеру) на черепахъ финскаго племени въ 74% всѣхъ случаевъ, на ряду съ значительно болѣе рѣдкимъ щипцеобразнымъ устройствомъ зубовъ, которое обнаруживается на черепахъ финновъ, мадьяръ и эстовъ въ 17,5% случаевъ, составляя норму у австралійцевъ и у древнихъ перуанцевъ.

и типичнымъ не только для эстовъ, но, повидимому, и для финскаго племени вообще (ср. рис. 7), и можно допустить, что этотъ признакъ, въ связи съ пропорціями остальныхъ частей скелета черепа, также играетъ извѣстную роль въ происхожденіи финскаго типа очертаній лица, хотя по частотѣ его финскіе народы стоятъ весьма близко къ германской и романской расѣ. Возможно, конечно, допустить, что и мягкія части, въ особенности неравномѣрность отложенія подкожной жировой кѣтчатки въ тѣхъ или другихъ областяхъ лица, до извѣстной степени могутъ оказать свою долю вліянія на развитіе расовыхъ физіогномическихъ типовъ,—вопросъ, по которому мы еще не имѣемъ никакихъ прочно установленныхъ данныхъ. Но во всякомъ случаѣ въ только-что перечисленномъ нами ряду

признаковъ, относящихся къ костному скелету, мы вынуждены искать главнѣйшіе морфологическіе элементы, лежащіе въ основѣ того характернаго типа лица, который обычно приписывается эстамъ и другимъ отраслямъ племенного древа т. наз. финскихъ народовъ.

При всемъ томъ мы не должны, однако, выпускать изъ виду и вліянія извѣстныхъ физическихъ особенностей внѣшнихъ покрововъ лица на общій фізіогномическій типъ эстовъ. Что племя эстовъ, подобно многимъ другимъ финнамъ, принадлежитъ къ разряду мало пигментированныхъ расовыхъ типовъ, извѣстно уже давно. Особенно характерною для эстовъ считается, по справедливости, большая распространенность среди нихъ свѣтлыхъ оттѣнковъ окраски радужной оболочки глаза. Свѣтлый же типъ преобладаетъ и въ отношеніи волосъ, но здѣсь болѣе темные оттѣнки окрашивания наблюдаются значительно чаще, чѣмъ на радужной оболочкѣ. Послѣдняя обычно представляется окрашенною въ свѣтло-сѣрый или голубовато-сѣрый цвѣтъ. Чисто голубые глаза у эстовъ наблюдаются столь же рѣдко, какъ и среди родственныхъ, болѣе темноглазыхъ по сравненію съ ними, ливовъ. Что же касается волосъ, то въ большинствѣ случаевъ приходится отмѣтить различные оттѣнки свѣтлорусаго типа, начиная съ цвѣта льна и пепла и кончая желтовато-или красновато-русою ихъ окраскою. Но, какъ уже было упомянуто, въ очень многихъ случаяхъ наблюдаются также и темные цвѣта волосъ: свѣтло-коричневый и темно-коричневый, и притомъ одновременно то съ болѣе свѣтлымъ, то съ болѣе темнымъ окрашиваніемъ радужныхъ оболочекъ. Совершенно черные волосы мы встрѣчали при изслѣдованіи эстовъ-новобранцевъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, иногда вмѣстѣ съ свѣтлыми глазами. Точно также, какъ на *avis rarissima*, можно указать на случай существованія рѣзко красныхъ волосъ у рекрутъ эстонскаго происхожденія. Менѣе рѣдко у нихъ наблюдается окраска въ зеленый цвѣтъ радужныхъ оболочекъ глаза. Въ сожалѣнію, обширный матеріалъ, собранный нами по разбираемому вопросу, еще не обработанъ настолько, чтобы уже здѣсь могъ быть представленъ точный о немъ отчетъ съ выясненіемъ типическихъ комбинацій, которыя господствуютъ у эстовъ въ отношеніи окраски волосъ и глазъ. Замѣтимъ лишь, что у дѣтей эстовъ въ школьномъ возрастѣ самый значительный контингентъ выпадаетъ на долю типа съ волосами цвѣта льна или соломы и съ свѣтло-сѣрыми глазами. Болѣе темные же оттѣнки какъ глазъ, такъ и волосъ начинаютъ появляться, какъ и можно было ожидать а priori, лишь въ позднѣйшемъ возрастѣ, гдѣ (какъ, напр., на изслѣдованныхъ нами новобранцахъ) темно-волосые (и темноглазые) субъекты встрѣчаются сплошь и рядомъ. Относительно цвѣта кожи у эстовъ мы здѣсь не будемъ особенно распространяться. Детальное изученіе этого признака среди отдѣльныхъ племенъ и представителей бѣлой расы врядъ ли можетъ давать сколько-нибудь цѣнные результаты, въ особенности если -- какъ то пришлось бы сдѣлать и въ отно-

шеніи къ эстамъ—ограничиться общимъ указаніемъ, что цвѣтъ кожи, за немногими исключеніями, представляется у нихъ «бѣлымъ». По отношенію къ изслѣдованнымъ нами новобранцамъ, которые у насъ подвергаются осмотру лишь послѣ обязательнаго для нихъ предварительнаго пребыванія въ банѣ, мы можемъ подтвердить только-что высказанное положеніе, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что цвѣтъ кожи у здоровыхъ субъектовъ бываетъ почти всегда не бѣлымъ, а розовато-бѣлымъ.

Мало примѣнимымъ къ эстамъ намъ кажется утвержденіе, что они принадлежать къ племенамъ среднерослымъ; къ такому заключенію возможно, вѣроятно, прійти лишь при изслѣдованіи немногихъ субъектовъ. Болѣе многочисленныя измѣренія въ томъ объемѣ, какой необходимъ для достовѣрнаго установленія антропологическихъ типовъ, указываютъ, напротивъ, съ полною несомнѣнностью на фактъ рѣзкаго преобладанія высокорослаго элемента среди племени эстовъ. Высокорослому типу (свыше 170 сант.) въ нѣкоторыхъ, особенно въ сѣверныхъ, областяхъ распространенія эстовъ соответствуетъ даже почти половина всѣхъ субъектовъ, подвергнувшихся изслѣдованію. Существуютъ

ли замѣтныя различія въ географическомъ распредѣленіи роста среди эстовъ, пока еще трудно сказать утвердительно, хотя наши собственные данныя, обнимающія собою цѣлыя десятки тысячъ измѣреній надъ новобранцами,

467 364 370 347 261 272

Рис. 8. Пропорціи стволовъ верхней и нижней конечностей у эста среднихъ лѣтъ (черепъ котораго изображенъ на рис. 6). Нижніе концы всѣхъ трубчатыхъ костей ориентированы по одной горизонтальной плоскости для показанія относительныхъ размѣровъ какъ отдѣльныхъ трубчатыхъ костей каждой конечности, такъ и обѣихъ (верхней и нижней) конечностей между собою. При такой ориентировкѣ линія, соединяющая верхній край бедра съ olecranon ulnae, соприкасается одновременно и съ верхними точками голени и плечевой кости, образуя у даннаго субъекта съ горизонтальною плоскостью уголъ, равный около 40°. Цифры, помѣщенные внизу рисунка, обозначаютъ абсолютную длину отдѣльныхъ костей конечностей въ миллиметрахъ.

скорѣ всего заставляютъ рѣшить этотъ вопросъ пока въ отрицательномъ смыслѣ, ибо мы убѣждаемся, что и среди южныхъ эстовъ добрая половина всѣхъ измѣренныхъ субъектовъ имѣть ростъ выше 1700 милл. Къ сожалѣнію, мы вынуждены здѣсь воздержаться отъ выясненія половыхъ особенностей роста у племени эстовъ, вслѣдствіе полного отсутствія въ литературѣ соотвѣтствующихъ антропометрическихъ наблюденій надъ женщинами и недостаточной еще обработки нашихъ собственныхъ изысканій по настоящему предмету. Изъ висла 64 взрослыхъ эстонокъ, о длинѣ роста которыхъ мы имѣемъ данныя, подавляющее большинство (51) обнаруживаетъ ростъ ниже 1600 милл. Въ общемъ же женскій элементъ среди эстовъ скорѣ всего слѣдуетъ причислить къ среднерослому типу.

Если, такимъ образомъ, эсты несомнѣнно представляютъ изъ себя скорѣ высокорослый, чѣмъ среднерослый расовый типъ, то ближайшее знакомство съ пропорціями различныхъ частей тѣла у нихъ показываетъ воочію, что причина высокорослости въ данномъ случаѣ не лежитъ, какъ слѣдовало бы ожидать а priori, въ соотвѣтствующемъ удлинении нижнихъ конечностей, а по преимуществу въ степени развитія въ длину верхней половины тѣла, туловища и головы. Это видно уже изъ того, что наиболѣе высокорослые элементы среди эстовъ обладаютъ относительно короткими нижними конечностями, въ то время какъ развитіе въ длину нижнихъ конечностей, на основаніи среднихъ цифръ и величины общаго ножного указателя, слѣдуетъ признать у эстовъ довольно умереннымъ, какъ это имѣетъ мѣсто, вѣроятно, также въ отношеніи къ длинѣ верхнихъ конечностей у этого племени (рис. 8). Если ширина размаха у эстовъ, достигающая по нашимъ опредѣленіямъ около 108% роста, значительно больше, чѣмъ у многихъ другихъ европейскихъ народностей (напр. у бельгійцевъ и южно-русскихъ евреевъ), то причиною этому, вѣроятно, служитъ не столько большая длина верхнихъ конечностей, сколько значительное развитіе въ ширину плечевой области у племени эстовъ, хотя сопоставленные нами данныя въ этомъ отношеніи не приводятъ къ совершенно яснымъ выводамъ ¹⁾. Дальнѣйшія изслѣдованія должны

¹⁾ Длина размаха должна соотвѣтствовать суммѣ ширины плечъ и длины обѣихъ верхнихъ конечностей, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда исходною точкою при измѣреніи этихъ обѣихъ составныхъ частей размаха служитъ асгоміон. Просматривая въ этомъ отношеніи таблицы измѣреній, приводимыя авторами, мы могли убѣдиться въ отсутствіи даже приблизительнаго соотвѣтствія между названными величинами, что, несомнѣнно, указываетъ на малую точность производства самихъ измѣреній. Мы говоримъ „приблизительнаго соотвѣтствія“ въ виду того, всѣмъ извѣстнаго, факта, что, при переходѣ верхнихъ конечностей въ горизонтальное положеніе, головки плечевыхъ костей уходятъ вглубь суставныхъ впадинъ, благодаря чему естественно должно произойти нѣкоторое укороченіе дѣйствительнаго размѣра большаго размаха по сравненію съ суммою его отдѣльныхъ частей. Укороченіе это, по Топинару („Антропология“, пер. Мечни-

будутъ выяснитъ, въ какой степени вышеуказанное отношеніе длины нижнихъ конечностей къ общей длинѣ роста находится въ зависимости отъ

Рис. 9. Чѣлъ эстонца. Сдѣлана крайняя подолонная костей (большого тазы) рѣза. Брюшестел въ глыбѣ. Малый тазъ—по дѣлу входа въ него—примечательнѣе. Перушка очертаниа, блатады вернано-мѣрному распитію лорднне-мѣрноту (солнцѣа. чѣла) и поперечнѣа днмѣтрѣа. Рѣзистѣа—средней выскѣа. Рѣзистѣа передне-вернѣахъ позадѣахъа бѣа—244 мм.; позадѣахъа грѣбнѣа—278, ааахъа позадѣахъа бѣа—96; позадѣахъа дѣа—130; передне-заднѣа дѣа—100 мм.

племенныхъ или иныхъ особенностей народовъ финскаго типа. Точно также на долю будущихъ изслѣдователей выпадаетъ задача установить, на осно-

кова, стр. 76), достигаетъ „приблизительно 6 сант.“. Но что же сказать намъ по отношенію къ такого рода таблицамъ измѣреній, гдѣ разница между обоими названными размѣрами выражается 12, 18, 21 сант. и выше? (ср., напр., Waldauer, Zur Anthropologie der Liven, 1879; Weber, Beiträge zur Anthropologie der Letten, 1879; G r i b e, Anthropologische Untersuchungen an Esten. 1878).

ваніи точныхъ измѣреній, относительную длину плеча и предплечія, бедра и голени у племени эстовъ и другихъ финскихъ типовъ. Здѣсь можно лишь замѣтить, что какъ кисть руки, такъ и стопа у эстоновъ отличаются, въ большинствѣ случаевъ, малою величиною, первая притомъ обычно и красивою формою, не уступающей даже влиянію самаго грубаго труда. Относительно малая величина ручной кисти и стопы свойственна, повидимому, эстонскому племени вообще. Что же касается другихъ пропорцій частей тѣла у эстовъ, то достойно вниманія, между прочимъ, довольно высокое у нихъ положеніе пупка, высота котораго надъ почвою достигаетъ 61% всей длины роста, въ то время какъ у многихъ другихъ европейскихъ расъ этотъ относительный размѣръ равняется не болѣе 60% всего роста тѣла, а у многихъ финскихъ племенъ и того меньше. Наконецъ, отношеніе объема груди къ росту выражается у эстовъ среднею цифрою 52%, изъ чего видно, что туловище у эстовъ развито значительно не только въ длину, но въ грудной его области, вмѣщающей въ себѣ столь важные для жизни органы, достигаетъ замѣтнаго развитія и въ другихъ своихъ размѣрахъ. Число узкогрудыхъ, съ жизненнымъ индексомъ ниже 50, составляетъ у эстовъ значительно меньшій процентъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ обитателей Прибалтійскаго края.

Въ связи съ такими благопріятными отношеніями общаго физическаго развитія эстовъ, мы съ особеннымъ интересомъ приступаемъ къ характеристикѣ формы таза у эстовъ и особенно у эстонки-производительницы, имѣя при этомъ въ виду, что племенные признаки таза, помимо представляемаго ими обще-антропологическаго и морфологическаго интереса, должны заключать въ себѣ указанія на жизнеспособность самой расы и на тѣ шансы, которыми располагаетъ данная раса въ смыслѣ своего самосохраненія и своего количественнаго роста.

Характернымъ признакомъ таза эстонки-производительницы (рис. 9) является прежде всего его поразительно малый наклонъ къ горизонтальной плоскости. Въ то время, какъ, напр., у германской расы уголъ наклона таза достигаетъ 55°, у эстонки онъ равняется всего на всего 33°. Надо при этомъ имѣть въ виду, что только-что приведенныя цифры являются результатомъ измѣреній, количество и качество которыхъ одинаково гарантируютъ точность сдѣланныхъ на основаніи ихъ заключеній. Крутое положеніе таза само по себѣ представляетъ признакъ, несомнѣнно заслуживающій вниманія въ антропологическомъ отношеніи, не говоря уже о томъ значеніи этого признака для механизма родовъ, о которомъ здѣсь не мѣсто подробнѣе распространяться. Съ этимъ признакомъ находятся въ тѣсной связи двѣ характерныя черты внѣшней формы тѣла эстонки: это, во-первыхъ, малое выстояніе назадъ сѣдалищной области и, во-вторыхъ, не закрытое или мало закрытое бедрами положеніе наружныхъ половыхъ органовъ. Дальнѣйшею особенностью таза эстонки

представляются его большіе размѣры въ сравненіи, напр., съ размѣрами женскаго таза той же германской расы, о которой была рѣчь выше. Благодаря этой особенности, которая подтверждается не только многочисленными непосредственными измѣреніями, но и единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ акушеровъ, ближе знакомыхъ по своей профессіи съ организмомъ эстонки, роды у послѣдней, естественно, протекаютъ почти всегда легко и безъ осложнений; благодаря тому же обстоятельству, врачи, живущіе въ землѣ эстовъ, почти не знакомы съ картиною теченія родовъ при суженіи таза, ибо случаи т. наз. узкаго таза, согласно заявленію компетентныхъ лицъ, опрошенныхъ нами въ этомъ направленіи, встрѣчаются среди эстовъ необычайно рѣдко. Наконецъ, тазъ эстонки обнаруживаетъ весьма своеобразное устройство въ томъ отношеніи, что, въ противоположность всѣмъ остальнымъ размѣрамъ таза, которые у эстонки замѣтно больше, чѣмъ, напр., у нѣмки, поперечный тазовый діаметръ у первой уступаетъ по своей величинѣ тому же тазовому размѣру у второй. Вслѣдствіе такой особенности названныхъ діаметровъ, контуръ входа въ малый тазъ, обычно представляющійся у нѣмокъ въ видѣ поперечнаго эллипсоида, у эстонки замѣтно приближается къ формѣ круга. Такимъ образомъ малый наклонъ къ горизонтальной плоскости и сильное развитіе во всѣхъ размѣрахъ входа въ малый тазъ, за исключеніемъ одного поперечнаго діаметра, обнаруживающаго своеобразное отношеніе къ прямому діаметру той же области, несомнѣнно характерны для таза эстонки, и все заставляетъ думать, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ проявленіями особаго типа племенной организаціи, заслуживающими серьезнаго нашего вниманія въ виду важной роли признаковъ строенія таза для характеристики различныхъ расовыхъ типовъ человѣчества.

Здѣсь не лишне упомянуть объ особенностяхъ половой жизни эстонки. Первые менструаціи появляются у нея сравнительно поздно, въ среднемъ на 15 году жизни, что отчасти объясняется особенностями климата и внѣшними условіями жизни. Продолжаясь среднимъ числомъ 4 дня, рѣдко 3 или 6 дней, регулы повторяются у эстонки въ среднемъ черезъ каждые $26\frac{1}{4}$ дней или $3\frac{3}{4}$ недѣли и проходятъ почти всегда незамѣтно какъ для нея самой, такъ и для окружающихъ. Также безъ всякихъ измѣненій въ образѣ жизни, не уклоняясь отъ обычнаго, подчасъ нелегкаго, труда, эстонка переживаетъ періодъ беременности. Рожать деревенскія эстонки больше всего предпочитаютъ по древнему обычаю, о которомъ упоминается еще въ эстонскомъ эпосѣ *Kalewipoeg*, въ сильно нагрѣтой банѣ на постели, приготовляемой на полу изъ сѣна или изъ соломы. Въ моментъ наступленія сильныхъ потугъ роженица садится на корточки и, упираясь руками и грудью о какой-нибудь предметъ, подъ наблюденіемъ старой бабы, играющей роль повитухи, остается въ этомъ положеніи до окончанія родовъ. Лишь въ случаѣ болѣе продолжительныхъ родовъ прибѣгаютъ къ поти-

ранію живота роженицы, катанію ея по полу или подвѣшиванію къ потолку посредствомъ веревкоѣ, привязанныхъ подѣ обѣ мышки, наконецъ, даже къ преждевременному разрыву плодового пузыря. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ роды, благодаря нормально наступающимъ потугамъ, которыя въ случаѣ ихъ слабости стараются возбуждать подслащенными отварами различныхъ травъ, а въ случаѣ сильной ихъ болѣзненности притупляютъ нѣсколькими глотками нагрѣтой водки, и благодаря также благопріятнымъ размѣрамъ таза, протекають благополучно и безъ посторонняго вмѣшательства, послѣ средней продолжительности, равной 7 часамъ у многорожавшихъ и 20 часамъ у перворожавшихъ. Единственное осложненіе родовъ, наблюдаемое у эстонокъ необыкновенно часто по сравненію съ другими расами, это эклампсія, — заболѣваніе, къ которому эстонки обнаруживаютъ какъ бы особое предрасположеніе. Послѣдъ удаляется, въ случаѣ необходимости, насильственнымъ натяженіемъ пупочнаго канатика, а часто съ опасностью для жизни роженицы даже непосредственно рукою руководительницы родами. Прежде, однако, заставляютъ роженицу дуть въ пустую бутылку, что, по мнѣнію, распространенному среди эстонскихъ бабъ, должно способствовать отдѣленію послѣда отъ маточной стѣнки. Процессъ инволюціи дѣтородныхъ органовъ совершается у эстонки, благодаря ея сильной натурѣ, энергично и быстро. На послѣродовой періодъ, теченіе котораго, по мнѣнію компетентныхъ врачей, зависитъ не только отъ климата, образа жизни и проч., но существеннымъ образомъ также отъ расы, наши эстонки обращаютъ мало вниманія и уже на второй день послѣ родовъ возвращаются къ своей обычной рабочей жизни. Кормленіе ребенка грудью продолжается во многихъ случаяхъ весьма долго, до 2 и даже до 3 лѣтъ; многія эстонки это дѣлають, какъ онѣ намъ объяснили, въ видахъ экономіи, другія въ увѣренности предохраненія самой себя этимъ путемъ отъ новой беременности.

Относительно распространенія среди племени эстовъ различныхъ уклоненій отъ нормальнаго развитія формы тѣла, въ родѣ полимастіи, альбинизма, гипертрихоза, гигантизма, карликоваго роста, многопалости, образованія хвоста, или т. наз. аномалій, въ родѣ *foramen supracondyloideum*, *trochanter tertius*, *torus palatinus*, *os malare bipartitum*, *os incae bi-et tripartitum*, аномалій мышечной, сосудистой и нервной системы, мы въ настоящее время частью не имѣемъ еще никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, частью лишь скудныя и мало обоснованныя указанія. То же самое можно сказать и о частотѣ естественныхъ деформаций черепа, каковы: микроцефалія, рѣзкія ассиметріи и проч. Обычай искусственнаго уродованія организма и его отдѣльныхъ частей, въ особенности нормальной формы черепа, не встрѣчается у эстовъ какъ этнологическая особенность. Случаевъ татуировки намъ не приходилось видѣть у осмотрѣнныхъ нами новобранцевъ-эстовъ, но говорятъ, что этотъ своеобразный обычай изрѣдка наблюдается у проституткоѣ эстонскаго происхожденія. Изъ част-

ныхъ особенностей формы черепа т. наз. лобный отростокъ височной чешуи встрѣчается на имѣющихся у насъ эстонскихъ черепахъ приблизительно въ 3% случаевъ. Наличие вставочныхъ (Ворміевыхъ) костей можно констатировать у эстовъ, какъ и другихъ расъ, на протяжении большинства черепныхъ швовъ, преимущественно же въ ламбовидномъ швѣ и въ области pterion, гдѣ такіа образованія встрѣчаются примѣрно въ 10% эстонскихъ череповъ.

III.

Сравнительно-антропологическая характеристика племени эстовъ.

Общій типъ эста.—Типъ эстонки и развитіе вторичныхъ половыхъ признаковъ.— Эсты какъ членъ угро-финской расы.— Физико-антропологическія основы понятія угро-финской семьи народовъ.

Только-что приведенныя данныя достаточно убѣдительно показываютъ, насколько мы еще далеки отъ полнаго знакомства съ физическою организаціею племени эстовъ и отъ возможности научной естество-исторической характеристики эстонскаго типа. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется не неумѣстнымъ сопоставить въ настоящемъ краткомъ очеркѣ хотя бы наиболѣе существенныя черты внѣшняго типа эста въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются въ описаніяхъ различныхъ авторовъ и въ нашихъ собственныхъ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ по настоящему предмету (рис. 10).

Высокорослые, съ широкою грудью и плечами, пропорціонально сложеннымъ туловищемъ, среднихъ размѣровъ верхними и нижними конечностями, но значительной, благодаря ширинѣ плечъ, длиною размаха, сравнительно малыхъ размѣровъ кистью руки и стопою и хорошо развитымъ тазомъ, мускулистые и мало склонные къ тучности, при крѣпкомъ сложеніи костной системы, эсты представляются наблюдателю въ чистомъ видѣ свѣтлаго типа: съ свѣтлыми глазами сѣраго или сѣро-голубого цвѣта и съ волосами, цвѣтъ которыхъ чаще, по сравненію съ радужною оболочкою, обнаруживаетъ примѣсъ болѣе темныхъ оттѣнковъ, хотя послѣднее наблюдается относительно такъ рѣдко, что эта примѣсъ вполне поддается объясненію случайныхъ расовыхъ вліяній пзвнѣ. Близкій къ брахицефалической формѣ черепъ отличается емкостью, не уступающей, вѣроятно, средней емкости человѣческаго черепа вообще, а скорѣе всего нѣсколько превышающей этотъ размѣръ, ясно выраженными лобными буграми, сильно зазубренными швами, изъ которыхъ лобный сохраняется сравнительно нерѣдко, частымъ присутствіемъ гребня на всемъ или на части протяже-

пія сагітталнаго шва, еллиптической формы затылочнымъ отверстіемъ, пятиугольною формою верхней и овальною или округлой — затылочной своей поверхности. Типичная форма лица эстовъ обязана своими особенностями преимущественно значительной величинѣ скулового діаметра, выстоянію впередъ и кнаружи плоской поверхности сильно развитыхъ скуловыхъ костей и большому разстоянію между углами нижней челюсти, при сильномъ развитіи и выстояніи впередъ подбородка, отчасти и нѣкоторому выстоянію въ сторону скуловыхъ дугъ. Умѣренной величины притуплен-

Рис. 10. Типъ эста преклоннаго возраста изъ юго-западной Лифляндіи.

ному лепторинному носу живыхъ эстовъ соотвѣтствуютъ на черепѣ длинныя и узкія носовыя кости съ трехугольными очертаніями грушевиднаго отверстія. Большая рѣдкость среди эстовъ случаевъ съ косымъ направле-ніемъ узкой глазной щели до извѣстной степени объясняется направле-ніемъ на ихъ черепахъ длинной оси угловатыхъ обширныхъ глазницъ, об-наруживающихъ сильную наклонность къ микроземіи.

Крѣпкимъ и коренастымъ сложеніемъ обладаетъ и организмъ эстонской женщины. Склонная къ высокорослости, эстонка по своему внѣшнему виду

обычно производить впечатлѣніе силы и здоровья. Нѣсколько болѣе высокія глазницы, болѣе прямой и высокій лобъ, слабѣ развитыя надбровныя дуги и т. п. являются половыми особенностями черепа и у эстонки. Но пропорціи округлаго лица (рис. 11) остаются одинаковыми у лицъ обоего пола. Нѣсколько большой ротъ, часто нарушающій эстетическую правильность очертаній лица, содержитъ въ себѣ въ видѣ здоровыхъ бѣлыхъ зубовъ лучшую красоту лица эстонки. Если волосы на головѣ у эстонокъ чаще всего бываютъ слабо развиты, то это только отчасти объясняется недостаточнымъ за ними уходомъ. Вздутая форма нижней части туловища наблюдается у эстонки лишь какъ послѣдствіе грубой пищи. Окрѣпшія отъ работы верхнія конечности оканчиваются маленькими, но прекрасно сложенными руками. За-то женскія груди и въ особенности бедра достигаютъ обычно чрезмѣрной, а часто даже колоссальной величины. Рѣзкій контрастъ съ шириною тазовой области составляетъ у эстонки поразительно малое выстояніе назадъ сѣдалищной области въ зависимости отъ незначительнаго у этого племени наклоннаго положенія женскаго таза и отъ слабого развитія подкожной жировой кѣтчатки, а можетъ-быть, и мышцъ въ сѣдалищной области. Съ тою же особенностью таза, повидимому, находятся въ ближайшей связи крутое направленіе лоннаго сращенія и верхней части крестца, слабое выстояніе задне-верхнихъ подвздошныхъ бугровъ, наконецъ почти полное отсутствіе изгиба на мѣстѣ перехода поясничной въ крестцовую часть позвоночника. Область голеностопнаго сустава у эстонокъ обычно не отличается граціозностью своихъ наружныхъ контуровъ; точно также высоко расположенныя икры обыкновенно бываютъ крѣпко развиты. Тотъ же типъ свѣтло-окрашенныхъ волосъ и радужныхъ оболочекъ глазъ, съ которымъ мы встрѣчаемся у эстовъ, обычно повторяется и среди эстонокъ, причемъ у послѣднихъ темныя отѣнки примѣшиваются чаще къ цвѣту волосъ, чѣмъ къ окраскѣ глазъ.

Рис. 11. 19-лѣтняя эстонка — типъ, наиболѣе часто встрѣчающійся среди эстонокъ средней и сѣверной Лифляндіи (свѣтло-сѣрые глаза съ узкими глазными щелями; желтовато-свѣтлорусые гладкіе волосы; широкій подбородокъ; выстояніе кнаружи области processus zygomatici ossis frontalis).

Въ общемъ, такимъ образомъ, такъ называемые вторичные половые признаки мы находимъ выраженными у племени эстовъ вполне отчетливо и притомъ не только въ области черепа, но и въ большинствѣ другихъ

частей организма. При этомъ нѣкоторые изъ признаковъ, присущихъ тому и другому полу, при современномъ состояніи нашихъ знаній, мы были бы вынуждены принимать за выраженіе расовыхъ особенностей племени эстовъ, если бы фактъ сравнительной немногочисленности наблюдений, способствовавшихъ выясненію этихъ признаковъ, не заставилъ насъ воздержаться отъ окончательныхъ и вполне опредѣленныхъ утвержденій по настоящему вопросу. Свою окончательную оцѣнку вышеизложенная характеристика физическаго типа эстовъ можетъ, какъ извѣстно, найти только передъ судомъ сравнительно-антропологическихъ данныхъ, и по этой причинѣ здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: какія отношенія существуютъ между эстами и сосѣдними съ ними племенами и какое положеніе занимаетъ племя эстовъ въ человѣчествѣ вообще и особенно среди тѣхъ расъ, съ которыми его считаютъ родственнымъ на основаніи историческихъ, этнографическихъ, лингвистическихъ и иныхъ общихъ признаковъ?

Какъ извѣстно, эстовъ принято описывать какъ звено т. наз. угро-финской группы народовъ. Ближайшая связь эстовъ съ племенемъ настоящихъ финновъ несомнѣнна, ибо языкъ эстовъ, какъ мы видѣли, по существу есть не что иное, какъ діалектъ финскаго; эстляндскіе и финскіе рыбаки, объясняясь между собою каждый на своемъ нарѣчій, вполне понимаютъ другъ друга. То же самое можно сказать и относительно ливовъ, которые, сами не признавая себя родственными съ эстами, тѣмъ не менѣе весьма близки имъ въ лингвистическомъ отношеніи. Но съ понятіемъ т. наз. угро-финской расы издавна принято связывать еще цѣлый рядъ другихъ племенъ, болѣе отдаленныхъ отъ эстовъ и финновъ какъ по своему географическому положенію, такъ и по многимъ другимъ особенностямъ. Сюда относятся, напр., такіе народы, какъ лопари, вотяки, воты, вепсы, черемисы, чуваша, мордва, вогулы и проч. Если всѣ эти народныя типы, по своему историческому и этнографическому развитію, дѣйствительно являются звеньями одной общей расовой цѣпи или отпрысками одного общаго съ финнами и эстами племенного древа, то сравнительная антропология должна выяснить намъ, насколько они близки по своей физической организаціи и насколько особенности послѣдней въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ особенностями лингвистическаго и обще-этнографическаго положенія, которое занимаютъ всѣ перечисленные представители угро-финской семьи народовъ. Но, къ сожалѣнію, мы вынуждены признать, что отъ окончательнаго выясненія этого вопроса мы еще весьма далеки, благодаря недостаточности того фактическаго матеріала, который необходимъ для проведенія соматологической параллели между названными племенными типами. Мы поэтому считали совершенно безполезнымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ вдаваться здѣсь въ подробный анализъ результатовъ наблюдений и антропометрическихъ из-

мѣреній, производившихся различными авторами надъ тѣми или другими финскими племенами. Отъ такого разбора мы имѣли тѣмъ больше основанія отказаться въ настоящемъ нашемъ краткомъ очеркѣ, что сами измѣренія, существующія въ лѣтописяхъ сравнительной антропологии угро-финской группы народовъ, далеко не всѣ производились по одному общему плану, а дѣлались различными авторами по неодинаковымъ методамъ и потому уже по самому своему существу представляютъ непреодолимые затрудненія каждой попыткѣ сравненія ихъ между собою. Эта трудность сравненія между собою цифръ, имѣющихся у авторовъ, становится особенно ощутительною въ отношеніи рядовъ тиническихъ вариантовъ, которыми мы должны приписывать столь рѣшающее значеніе въ вопросѣ о сходствѣ или несходствѣ племенныхъ типовъ. Ограничиться же сравненіемъ однѣхъ среднихъ цифръ, при всѣхъ удобствахъ такого способа, по нашему убѣжденію, значить предаваться легкомысленной и бесплодной игрѣ съ эфемерными явленіями, мало способствующими выясненію дѣйствительныхъ отношеній физическаго типа человѣческихъ расъ. Рѣшаясь прибѣгнуть къ анализу подобнаго рода среднихъ цифръ, мы могли бы безъ особеннаго труда доказать, что, напр., по величинѣ головного указателя многія угро-финскія племена, какъ черемисы, воты, вотяки, вепсы вмѣстѣ съ эстами, ливами и собственными финнами великаго княжества стоятъ почти на одной ступени, относясь къ общей для всѣхъ ихъ мезоцефалической или суббрахицефалической категоріи черепныхъ типовъ. Мы могли бы въ то же время отмѣнить и большое сходство, существующее, повидимому, между эстами и вотяками въ отношеніи окраски волосъ и радужной оболочки глазъ, благодаря которой то и другое племя одинаково являются представителями свѣтлаго типа на подобіе того, какъ они сходны между собою по величинѣ роста и по нѣкоторымъ другимъ измѣрительнымъ признакамъ. Просматривая таблицы цифръ, мы далѣе убѣждаемся, что многія особенности своего физическаго типа, относящіяся, напр., къ ширинѣ нижней челюсти, абсолютнымъ размѣрамъ черепа, длинѣ роста, окраскѣ волосъ и радужной оболочкѣ глазъ, эсты раздѣляютъ не только съ сосѣднимъ племенемъ ливовъ, но отчасти и съ финнами великаго княжества. Наконецъ, послѣднія два племени, вслѣдствіе почти полнаго совпаденія среднихъ цифръ измѣреній, приводимыхъ авторами, слѣдовало бы признать особенно близкими между собою. Но всѣ эти и подобные имъ выводы, очевидно, не въ состояніи сколько-нибудь опредѣленно установить фактъ физической однородности всѣхъ племенъ угро-финской группы даже въ томъ случаѣ, если мы совершенно оставимъ въ сторонѣ вопросъ о сравнительно-антропологическомъ значеніи т. наз. среднихъ цифръ, ибо всѣ названные выводы обязаны своимъ происхожденіемъ количественно неодинаковымъ рядамъ наблюденій, которые, уже вслѣдствіе своей малочисленности (дѣло въ большинствѣ случаевъ идетъ объ одной сотнѣ

отдѣльных измѣреній и даже того менѣе), предостерегаютъ насъ отъ окончательныхъ на ихъ основаніи заключеній. Мы не хотимъ этимъ такъ или иначе умалять научное значеніе тѣхъ матеріаловъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Напротивъ, мы на ихъ основаніи охотно склонны согласиться, что въ существенныхъ чертахъ они способны указывать на нѣкоторыя общія черты, болѣе или менѣе характерныя для всѣхъ представителей т. наз. угро-финновъ и въ числѣ ихъ также для нашихъ эстовъ. Но не слѣдуетъ забывать, что та же степень сходства физическихъ типовъ, которая, согласно разсматриваемымъ матеріаламъ, имѣется между отдѣльными племенами финской группы народовъ, легко можетъ быть констатирована также между послѣдними и многими другими не-финскаго происхожденія племенами европейскаго материка, особенно если и тутъ рѣшающій голосъ предоставить среднимъ выводамъ, полученнымъ на почвѣ недостаточнаго количества наблюденій. Къ тому же цифровыя данныя тѣхъ же авторовъ не обходятъ молчаніемъ и фактъ наличности весьма широкихъ предѣловъ колебаній, коимъ подвергнутъ физическій типъ представителей угро-финской расы. Уже среди финновъ великаго княжества есть полное основаніе различать два особыхъ типа, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по цвѣту глазъ и волосъ: это—свѣтло-волосый и свѣтло-глазый типъ тавастцевъ и темно-пигментированный типъ карельскихъ финновъ. Оба эти типа явно расходятся не только по большинству своихъ физическихъ признаковъ, но и въ отношеніи своихъ психическихъ особенностей. Къ первому типу болѣе всего приближаются эсты, ко второму—ливы. Но брахицефалическая форма головы у обоихъ типовъ финскаго полуострова не допускаетъ сближенія ихъ съ ливами или эстами. Мордва и лопари, наиболѣе круглоголовые изъ угро-финскихъ племенъ, въ этомъ отношеніи стоятъ значительно ближе къ собственнымъ финнамъ, хотя не настолько, чтобы можно было считать эти племена тѣсно родственными между собою. Съ другой стороны, вогулы и чуваша по общей формѣ черепа склоняются уже весьма замѣтно въ сторону длинноголовости, представляя въ этомъ отношеніи полную противоположность лопарямъ и мордвѣ. Далѣе, внутричерепная емкость у финновъ, если довѣрять среднимъ цифрамъ, должна значительно превзойти тотъ же размѣръ на эстонскихъ черепахъ. Въ пропорціяхъ лица наши эсты также весьма рѣзко отличаются отъ многихъ финскихъ племенъ; у однихъ (вотяки и другіе) средняя часть лица значительно шире, у другихъ (ливы), наоборотъ, значительно уже, чѣмъ у эстовъ; то же самое можно сказать относительно роста, обнаруживающаго весьма большія колебанія среди угро-финскихъ племенъ. Высокое положеніе пупка надъ почвою служить какъ бы отличительною чертою нашихъ эстовъ въ сравненіи съ большинствомъ другихъ представителей финновъ. Перечисленіе всѣхъ остальныхъ отличительныхъ признаковъ физической организаціи фин-

новъ и сравненіе ихъ съ сходственными чертами, о которыхъ была рѣчь выше, должно убѣдить насъ, что перевѣсъ, несомнѣнно, находится на сторонѣ первыхъ, затрогивающихъ къ тому рядъ наиболѣе существенныхъ отношеній физическаго типа разсматриваемыхъ нами народностей.

Взвѣсивая, такимъ образомъ, всѣ данныя, говорящія за и противъ мнѣнія объ единствѣ физическаго типа т. наз. угро-финской группы народовъ, возможно думать, что эта раса въ современномъ своемъ составѣ вмѣщаетъ представителей, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ различныхъ антропологическихъ типовъ и что этнографическое коллективное понятіе объ угро-финнахъ, при современномъ состояніи этого вопроса, не находитъ поддержки со стороны строго научнаго естество-историческаго изслѣдованія. Мы говоримъ «въ современномъ составѣ» въ виду того, что, несмотря на все разнообразіе типовъ, наблюдаемыхъ среди современныхъ финскихъ племенъ, представляется не только возможнымъ, но даже вполне правдоподобнымъ предположеніе о происхожденіи ихъ отъ одного общаго антропологическаго корня или общаго расоваго древа, отдѣльныя развѣтвленія котораго линія съ теченіемъ тысячелѣтій, благодаря продолжительному тѣсному соприкосновенію съ разнородными иноплеменными элементами, приняли такіе физическіе признаки, которые имъ первоначально не были свойственны. Допуская такое предположеніе, мы становимся передъ вопросами: каковъ былъ первоначально основной физическій типъ финновъ, какими внѣшними признаками отличались тѣ давно исчезнувшія поколѣнія, памятниками которыхъ являются современные финны, эсты, ливы и многія другія племена, разбросанныя въ видѣ длинной цѣпи по обширному пространству и почти забывшія о когда-то связывавшихъ ихъ родственныхъ узахъ, какому типу принадлежали тѣ расы, воздѣйствію которыхъ угро-финны подвергались послѣ того, какъ они были вытѣснены изъ своей первоначальной родины? Очевидно, что на всѣ эти вопросы нѣкоторый свѣтъ способны пролить лишь историческія и сравнительно-лингвистическія изслѣдованія. На долю же сравнительной антропологии расъ выпадаетъ задача опредѣлить, какіе основные элементы физическаго типа могутъ быть съ точностью выдѣлены среди современныхъ народовъ предполагаемой общей угро-финской семьи и достаточно ли существенны и постоянны эти признаки для установленія на ихъ основаніи одного общаго расоваго типа. Лишь при посредствѣ добытыхъ такимъ образомъ данныхъ понятіе объ угро-финской расѣ удастся охарактеризовать съ точки зрѣнія научнаго естество-историческаго изслѣдованія.

IV.

Психо-физическій типъ эстовъ.

Нѣкоторые данныя о психологическихъ чертахъ племени эстовъ.—Уровень его нравственнаго развитія.—Племенные особенности мозга эстовъ.—Заключеніе.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы не можемъ, хотя бы вскользь, не коснуться сложнаго и труднаго вопроса о психологическомъ типѣ племени эстовъ, желая этимъ прежде всего отмѣнить значеніе психическихъ признаковъ для научной характеристики человѣческихъ расъ и указать на роль, которую эти признаки должны играть въ антропологическихъ монографіяхъ. Тѣ немногія указанія, которыя можно встрѣтить о психологическихъ особенностяхъ эстовъ, чаще всего основаны, къ сожалѣнію, на субъективныхъ заключеніяхъ и потому могутъ имѣть не болѣе, чѣмъ относительное значеніе, и воспользоваться ими съ научною цѣлью возможно лишь съ значительною оговоркою. Уже старые авторы говорятъ о меланхолическомъ или флегматическомъ темпераментѣ эстовъ. Знаменитый К. Э. фонъ-Бэръ, посвятившій первый свой научный трудъ изученію эстовъ, утверждаетъ, напротивъ, что эсты лишь изрѣдка бываютъ склонны къ т. наз. меланхолическому темпераменту, а чаще всего являются людьми спокойнаго, флегматическаго нрава, вслѣдствіе чего они, между прочимъ, сравнительно нечасто подвергаются физическимъ заболѣваніямъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, въ особенности болѣе сѣверныхъ, эсты отличаются болѣею подвижностью и общительностью, нежели, напр., склонные къ вялости эсты средней Лифляндіи, которые охотно и, по замѣчанію Бэра, даже съ пользою для себя прибѣгаютъ къ оживляющему дѣйствию спиртныхъ напитковъ. Вообще же, по мнѣнію этого маститаго ученаго, эсты обладаютъ многими недостатками: они не только лѣнивы, но и нечистоплотны, отличаются заискиваніемъ, низкопоклонствомъ предъ сильнѣйшими и безсердечіемъ въ отношеніи къ слабымъ и къ беззащитнымъ. Сравнивая эстовъ съ латышами, одинъ изъ нашихъ историковъ также отмѣняетъ склонный къ лѣни нравъ первыхъ въ противоположность веселому и дѣятельному темпераменту вторыхъ, но, несмотря на это, тотъ же авторъ не можетъ обойти молчаніемъ того краснорѣчиваго факта, что эсты, уже благодаря физическимъ условіямъ почвы обитаемыхъ ими областей, съ самаго начала были поставлены въ условія упорной борьбы за существованіе и постояннаго тяжелаго труда. Эти и подобныя имъ воззрѣнія на національный характеръ эстовъ, основанныя частью на предвзятыхъ идеяхъ, частью на недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, еще въ сравнительно недавнее время играли извѣстную роль въ ученіи о первобытныхъ расахъ Европы, когда Quatrefages послѣ компаніи 1870—1871 года заявилъ, якобы на основаніи

долгѣлѣтнихъ изслѣдованій, свою твердую увѣренность въ томъ, что первоначальное населеніе Европы было финскаго происхожденія; остатки этой древней финской расы, по его мнѣнію, можно найти еще въ современной Франціи, гдѣ скелеты, найденные въ пещерахъ des Eyzies, были относимы непосредственно къ племени эстовъ; но въ наиболѣе чистомъ видѣ, заключаетъ тотъ же авторъ, финскіе элементы сохранились среди современнаго населенія Пруссіи, «что становится несомнѣннымъ, если имѣть въ виду мстительность, злостный характеръ и ярость пруссаковъ».

Обращаясь отъ этихъ субъективныхъ мнѣній и воззрѣній къ научно-установленнымъ фактамъ. Существуютъ, напр., данныя, позволяющія заключать о степени нравственнаго развитія эстовъ. Цифра незаконнорожденныхъ дѣтей у нихъ, правда, весьма значительна и достигаетъ въ нѣкоторыхъ областяхъ около 5% всего числа рожденныхъ; по среди другихъ національностей, живущихъ въ землѣ эстовъ, встрѣчаются еще значительно большія цифры незаконнорожденныхъ. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ фактъ малаго процента незаконнорожденныхъ у деревенскихъ эстовъ по сравненію съ городскими эстами. Въ связи съ эстами по-истинѣ чудовищнымъ слѣдуетъ признать положеніе одного изъ новѣйшихъ авторовъ, согласно которому гетеризмъ, полная свобода полового общенія у неженатыхъ, является якобы «общемою чертою народностей финскаго племени», встрѣчающейся еще до сихъ поръ у эстовъ въ формѣ переживанія. Обычай гетеризма, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, не только не существуетъ у эстовъ или финновъ, но не доказанъ съ достовѣрностью вообще у какой-либо другой этнологической группы человечества. Также хорошо установлено, что случаи нарушенія супружеской вѣрности встрѣчаются у эстовъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Относительно частоты дѣтоубійства среди племени эстовъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою заслуживающихъ довѣрія данныхъ. Подкидываніе дѣтей въ деревняхъ почти не наблюдается, плодизгнаніе—только въ случаяхъ незаконной связи.

Памятники древней эстонской культуры, которыхъ мы коснулись выше, развитіе и грамматическое строеніе языка эстовъ, ихъ національное міросозерцаніе, наконецъ, произведеніе эстонской народной литературы, о которыхъ мы вкратцѣ упомянули въ началѣ настоящаго очерка, заключаютъ въ себѣ рядъ существенныхъ указаній по вопросу о психологическихъ чертахъ разсматриваемаго племени. Перечисленіе ряда выдающихся ученыхъ, журналистовъ, поэтовъ, художниковъ, преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, дѣятелей по различнымъ отраслямъ общественной жизни, вышедшихъ въ прежнее и въ новѣйшее время изъ среды эстонскаго народа, до извѣстной степени также могло бы служить опорною точкою для сужденія о развитіи у эстовъ высшихъ психическихъ функций, о степени психологическаго и интеллектуальнаго уровня этого расоваго типа, о его прирощ-

денныхъ умственныхъ дорованіяхъ и о степени свойственной ему способности къ развитію послѣднихъ путемъ воспитанія. Но мѣсто не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться въ настоящемъ очеркѣ на сравнительномъ анализѣ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ и фактовъ, которые по своей сложности, безъ сомнѣнія, требуютъ совершенно спеціальной и всесторонней обработки. Но мы считаемъ умѣстнымъ коснуться здѣсь, хотя бы вкратцѣ, одного изъ нихъ, это именно вопроса о степени развитія и объ особенностяхъ физическаго органа психической дѣятельности, т. е. центральной нервной системы, у племени эстовъ.

Исслѣдованія, существующія по вопросу о племенныхъ особенностяхъ мозга эстовъ, еще далеко не позволяютъ дѣлать въ этомъ отношеніи окончательныя заключенія, но уже тѣ немногія данныя, которыя были добыты въ новѣйшее время, указываютъ на весьма видную степень развитія центральной нервной системы и ея отдѣльныхъ частей у этого племени. Устройство мозговыхъ извилинъ, столь тѣсно связанное съ психическимъ развитіемъ расы и личности у эстовъ, въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуетъ обыкновенному плану ихъ устройства, наблюдаемому на мозгѣ другихъ высоко-цивилизованныхъ народовъ, и въ существенныхъ чертахъ, повидимому, не уклоняется отъ типичной формы человѣческаго мозга вообще. Явленій, такъ или иначе могущихъ свидѣтельствовать о низкой степени развитія мозга эстовъ, какъ и слѣдовало ожидать *a priori*, нигдѣ не было обнаружено при анатомическомъ изученіи его внѣшней формы. Напротивъ, мозговые извилины у этого племени, будучи развиты обычно въ большемъ изобиліи, представляютъ значительное число вариантовъ, обусловливающихъ иногда весьма сложную картину поверхности мозговыхъ полушарій. Ходъ и направленіе извилинъ притомъ вполне соотвѣтствуетъ суббраничефалическому типу черепа эстовъ, при которомъ извилины, какъ извѣстно, часто образуютъ между собою поперечныя анастомозы и вообще выказываютъ склонность уклоняться отъ продольной оси мозга. Въ отношеніи же частнаго ихъ устройства существуетъ даже указаніе, что форма и взаимныя отношенія мозговыхъ извилинъ у эстовъ не лишены и нѣкоторыхъ особенностей (рис. 12). Но, въ виду большой сложности вопроса объ особенностяхъ мозговыхъ извилинъ и формы мозговыхъ полушарій вообще у человѣческихъ расъ, такое указаніе можетъ быть высказано лишь съ извѣстною оговоркою, ибо легко можетъ случиться, что тѣ варианты бороздъ и извилинъ, которые обращали на себя вниманіе на мозгахъ эстовъ, въ послѣдствіи окажутся присущими и мозгу другихъ народностей. Какъ бы то ни было, фактъ вполне типичнаго во всѣхъ отношеніяхъ развитія мозга у эстовъ врядъ ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Въ пользу этого факта говорятъ, между прочимъ, тѣ наблюденія, которыя имѣются относительно размѣровъ, величины и вѣса массы эстон-

скихъ мозговъ. Мы имѣемъ предъ собою 21 мозгъ взрослыхъ эстовъ, средній вѣсъ которыхъ равенъ 1401 грамму, при максимальномъ вѣсѣ въ 1640 и минимальномъ въ 1210 гр. Вѣсъ мозга взрослой эстонки, судя по тѣмъ 8 экземплярамъ, которые мы могли подвергнуть взвѣшиванію въ свѣжемъ состояніи, опредѣляется среднею цифрою 1293 гр. (max.—1515, min.—1170). Въ связи съ тѣми данными, которыя были представлены выше относительно внутречерепной емкости, только - что приведенные результаты взвѣшиванія мозга служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ уже ранѣе высказаннаго нами мнѣнія, что и по степени количественнаго развитія

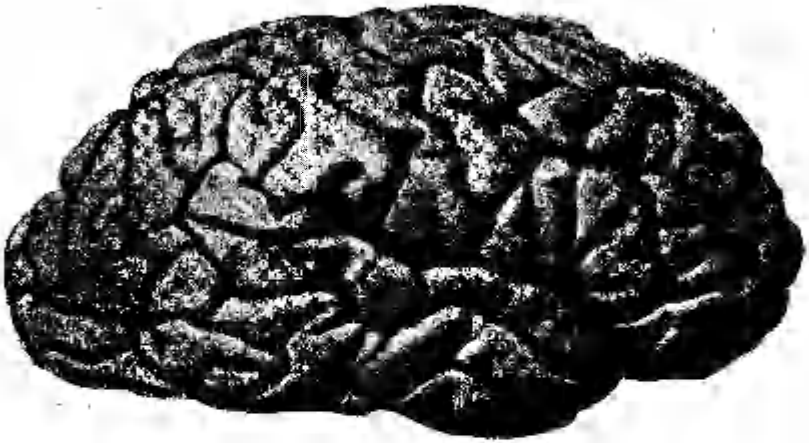

Рис. 12. Мозгъ эста 40 лѣтъ отъ роду. Главныя извилины и борозды (Роландова, лобныя, постцентральной, Сильвиева, височныя, интерпаріетальная, затылочныя и пр.) развиты въ высшей степени типично. Замѣчается при этомъ большое богатство такъ называемыхъ вторичныхъ и третичныхъ извилинъ и бороздъ. Нижний конецъ Sulci postcentralis (sc. tr) глубоко прорѣзываетъ верхній берегъ Сильвиевой ямы—явленіе, довольно обычное у эстовъ. Третья (нижняя) лобная извилина, соответствующая области центра членораздѣльной рѣчи, обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ довольно сложное устройство; то же самое можно сказать также относительно лобнаго и височно-затылочнаго ассоціационныхъ центровъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ высшимъ психическимъ отправлениямъ организма

массы мозговыхъ полушарій племя эстовъ, повидимому, врядъ ли замѣтно уступаетъ другимъ европейскимъ расамъ.

Въ итогѣ всего сказаннаго мы, желая остаться на почвѣ объективнаго изслѣдованія, должны признать, что эсты не только въ физическомъ, но и въ психофизиологическомъ отношеніи являются племенемъ, хорошо одареннымъ отъ природы и, благодаря этому, вполне способнымъ, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, къ культурному развитію наравнѣ со всѣми другими представителями бѣлой расы, что доказывается и общимъ ходомъ историческаго и культурнаго прошлаго этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной народности.

Литература ¹⁾: *Ahrens E.*, Grammatik der estn. Sprache. Reval, 1853; *Amelung*, Ueber den volksthümlichen estn. Aberglauben und den estn. Antoniuskultus. Dorp., 1877; *Астровъ Н.*, Отношеніе родителей и дѣтей у эстонцевъ. „Труды Эстлянд. губ. Стат. Комит.“, IX. Рев., 1894; *v. Baer C. E.*, De morbis inter Esthonos endemicis. Diss. inaug. Dorp., 1814; *Baer E. K.*, Die Gräber der Livon. Dresd., 1850; *Barchewitz*, Ueber russische Rassentypen. Z. E. V., 1872; *Bielenstein A.*, Die Grenzen der lettischen Sprache. S.-Petersb.; *Bielenstein W.*, Hügelgräber in Neu-Koikull. SB. GEG., 1895; *Blumberg*, Ueber den Culturzustand der E. SB. GEG., 1876; Die Gewittergötter Kõu und Pikker. Ibid., 1885; *Böhm und Görtz*, Die Skeletgräber von Allatzkiwi. SB. GEG., 1896; *Broca P.*, Classification et nomenclature craniolog. „Rev. d'Anthr.“, 1872; *онъ же*, Recherches sur l'indice nasal. Ibid.; *Харузинъ А.*, Записка о черепахъ Пюхтицкаго могильника. „Тр. Эстл. губ. Стат. Ком.“, IX. Рев., 1894; *онъ же*, Къ антроп. насел. Эстлянд. губ. Ibid.; *Davis F. B.*, Thesaurus craniorum. Lond., 1867; *Duhmberg C.*, Die Grabstätte des Kaltrigesindes. SB. GEG., 1886; *Ecker A.*, Die Höhlenbewohner der Rennthierzeit von les Eyzies. A. f. A., IV, 1871; *Faehlmann*, Ueber die Flexion des Wortstammes in der estn. Sprache. V. GEG., I, 1843; *Georgi*, Beschreibung aller Nationen des russ. Reiches. St.-Pet., 1776; *Grewingk C.*, Archäol. Mittheilungen. SB. GEG., 1879; *онъ же*, Zur Archäologie des Balticum. A. f. A., X; *онъ же*, Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel. V. GEG., XIII; *онъ же*, Archäol. Ausflüge in Liv und Estland. SB. GEG., 1886; *онъ же*, Ueber Bronzenähnadeln alter Gräber Livlands. Ibid., 1882; *онъ же*, Ein neuer archäol. Fund im Mergel von Kunda. Ibid., 1885; *онъ же*, Ueber Steinhäufen als Grabstätten. Ibid., 1883; *онъ же*, Ueber die Steinhäufengrabstätten von Unniph. Ibid., 1883; *онъ же*, Knochengeräthe und Urbewohner des Ostbalticum. Ibid., 1881; *онъ же*, Neue Materialien zur Stein-, Bronze- und Eisenzeit. Ibid., 1887; *онъ же*, Die neolith. Bewohner von Kunda. V. GEG., XII; *онъ же*, Ueber die Steinschiffe von Musching. Ibid., IX; *онъ же*, Zur Pfahlbautenfrage Liv-, Est- und Kurland. Ibid., 1880; *онъ же*, Ueber die frühere Existenz des Rennthieres in den Ostseeprovinzen. Ibid., 1867; *онъ же*, Das Steinalter der Ostseeprovinzen. Dorp., 1865; *онъ же*, Beschreibung der in Est-, Liv- und Kurland bekannt gewordenen Stein- und Knochengeräthe. SB. GEG., 1885; *онъ же*, Ueber die Steinsetzung von Türsel. Ibid., 1886; *онъ же*, Zur Kenntniss der in Liv-, Est- und Kurland aufgefundenen Steinwerkzeuge. V. GEG., VII; *Grosset O.*, Biostatik der Stadt Dorpat. Dorp., 1883; *Grube O.*, Anthropolog. Untersuchungen an E. Dorp., 1878; *Haller P.*, Biostatik der Stadt Narva. Dorp., 1886; *Hartmann*, Das vaterländ. Museum zu Dorpat. V. GEG., VI; *Hasselblatt A.*, Ueber das angebliche Steinreihengrab bei Pirk. SB. GEG., 1893; *Hausleutner*, Galerie der Nationen, 1794; *Hausmann R.*, Alterthümer aus dem Fellschen. SB. GEG., 1894; *онъ же*, Der Aschenfriedhof auf dem Kalmomäggi. Ibid., 1889; *онъ же*, Eine Ausgrabung in Weslershof. Ibid., 1900; *онъ же*, Eine Ausgrabung auf dem Kabellimäggi. Ibid., 1899; *онъ же*, Die Bauerburg Tubri-Liuv. Ibid., 1897; *онъ же*, Einleitung zur Abtheilung Archäologie. Katalog der Ausstellung zum X. archäol. Congresse in Riga 1896; *онъ же*, Estnische Alterthümer aus Oberpahlen. SB. GEG., 1894; *онъ же*, Funde aus dem Mergellager von Kunda. Ibid., 1895; *онъ же*, Grabfunde in Pajus. Ibid., 1896; *онъ же*, Die Gräber von Hummelschhof, Allatzkiwi und Pajus. Ibid., 1896; *онъ же*, Ueber ein Skeletgrab bei Allatzkiwi. Ibid., 1894; *онъ*

¹⁾ Сокращенія: *A. f. A.* = Archiv für Anthropologie; *SB. GEG.* = Sitzungsberichte, *V. GEG.* = Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft; *Z. E. V.* = Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte; *E.* = Esten.

же, Allatzkiwi, Skeletgrab VIII. Ibid., 1897; *онъ же*, Steinbügelgräber von Waiwara. Ibid., 1895; *онъ же*, Ueber die Verbreitung der Schalen-oder Schildkrötenfibel. Ibid., 1893; *онъ же*, Steinreihengräber und Hügelgräber. Ibid., 1891; *Henricus de Lettis*, Origines Livoniae sacrae et civilis. Reval, 1867; *Helldt P.*, Volksmedizin der E. SB. GEG., 1883; *Hermann K.*, Eesti keele grammatik. Tartus, 1884; *v. Holst J.*, Die E. in gynäkolog. Beziehung. Beiträge zur Gynäkologie und Geburtskunde, II. Tübingen, 1807; *Holzmayr I. B.*, Osiliana. V. GEG., VII и X; *Hübner F.*, Biostatik der Stadt Dorpat. Dorp., 1861; *Hueck A.*, De craniis Estonum commentatio anthropologica. Dorpati Livonorum, 1814; *Hunfalvy P.*, Reise in den Ostseeprovinzen Russlands. Leipz., 1874; *Hupel*, Topograph. Nachrichten von Liv-und Estland. Riga, 1774; *Hurt J.*, Beiträge zur Kenntniss estn. Sagen und Ueberlieferungen. Dorp., 1883; *онъ же*, Ueber die Setukesed. SB. GEG., 1886; *Jsenflamm H I.*, Anatom. Untersuchungen. Erlangen, 1822; *Jung I.*, Alterthümer im Hallistschen. SB. GEG., 1885; *онъ же*, Alterthümer aus Hallist und Umgegend. Ibid., 1882; *онъ же*, Ueber einige Alterthümer im Hallistschen. Ibid., 1889; *онъ же*, Die Sinnihalliku-Bauernburg bei Fellin. Ibid., 1882; *онъ же*, Ueber die alte Estenburg in Lelowa. Ibid., 1880; *онъ же*, Ueber estn. Bräuche. Ibid., 1886; *онъ же*, Einiges über die Setukesed. Ibid., 1885; *онъ же*, Ueber die estnisch-lettische Sprachgrenze. Ibid., 1879; *онъ же*, Ueber die Steinlager im Würz-See. Ibid., 1880; *онъ же*, Steinsetzungen im Fellinschen. Ibid., 1879; *онъ же*, Schifförmige Steinsetzungen. Ibid., 1876; *Kallas O.*, Einiges über die Setud. SB. GEG., 1895; *v. Kieseritzki*, Biostatik der Kirchspiele Oberpahlen etc. Dorp., 1880; *Körber B.*, Biostatik der Kirchspiele Ringen etc. Dorp., 1864; *онъ же*, Steinhügelgräber in Waiwara. SB. GEG., 1897; *онъ же*, Zu den Steinhügelgräbern in Waiwara. Ibid., 1895; *Kreutzwald*, Kalewipoeg, eine estn. Sage. Dorp., 1861—62; *онъ же*, Ueber die erste physische Erziehung der Kinder unter den E. SB. GEG., 1879; *онъ же*, Der E. abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten. St.-Pet., 1854; *Kruse*, Necrolivonica. Dorp., 1842; *онъ же*, Urgeschichte des estn. Volksstammes. Leipz., 1846; *Kupffer und Bessel-Hagen*, Anthropolog. Sammlungen Deutschlands. Königsberg i Pr. A. f. A., 1880; *Loeschke G.*, Der Aschenfriedhof von Meyershof. SB. GEG., 1887; *онъ же*, Die estn. Grabstätte beim Kaltrigesinde. Ibid., 1887; *онъ же*, Ueber Oeselsche Alterthümer. Ibid., 1888; *онъ же*, Schifförmige Steinsetzungen. Ibid., 1889; *Mehnert E.*, Die anthropol. Sammlungen Deutschlands. Strassburg i E. A. f. A.; *Meyer H.*, Beitrag zur Kenntniss der Estenschädel. A. f. A., VIII; *Meyer J.*, Ueber E. und Estenthum bei Heinrich dem Letten. SB. GEG., 1876; *онъ же*, Ueber die beim Estenvolke gebräuchlichen Heilmittel. Ibid., 1883; *онъ же*, Ueber die Quellen der estn. Sprache. Ibid., 1895; *Милендеръ Я.*, О послѣродовыхъ очищеніяхъ (содержитъ цѣнныя данныя относительно половой жизни эстонки). Юрьевъ, 1896; *Gehrн E.*, Biostatik dreier Landkirchspiele Livlands. Dorp., 1883; *v. Parrot I. G.*, Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung etc. der Liven, Letten und E. Stuttg., 1838; *Pauzy*, Description ethnograph. des peuples de la Russie. St.-Pet., 1862; *v. Richter A.*, Geschichte der Ostseeprovinzen, 1857; *Pummuxъ*, Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалт. край. Спб., 1873; *Rüdinger N.*, Die anthropol. Sammlungen Deutschlands. München. A. f. A., XX; *Schaaffhausen H.*, o. c. Bonn. Frankfurt a. M. Ibid., 1883; *Schmidt E.*, o. c. Leipzig. Ibid., 1888; *v. Schretnck A.*, Studien über Schwangerschaft, Geburt und Wochenbett bei der E. Dorp., 1880; *v. Schröder L.*, Ueber den Gott Tāra. SB. GEG., 1893; *онъ же*, Die Hochzeitsgebräuche der E. und einiger anderer finn.-ugrischer Völkerschaften in Vergleichung mit denen der indogerman. Völker. Berl., 1888; *Schultz G.*, Bericht über Messungen an Individuen verschiedener Nationen. „Bull. de l'Acad. d. Sc. de St.-Pét.“

Classe phys.-math. IV, 1845; *de Seydlitz C. I.*, De praecipuis oculorum morbis inter Esthonos obviis. Dorp., 1821; *Sitzka I.*, Ueber die Steinsetzung in Ayakar. SB. GEG., 1896; *Graf Sivers G.*, Bericht über die archäolog. Untersuchungen etc. V. GEG., VIII, Z. E. V., 1874—75, Sitzb. d. Dorp. Naturf. Gesell., 1875; *Солодовниковъ А.*, Личныя и имуществ. отношенія у эстонцевъ. „Тр. Эстл. Губ. Стат. Ком.“, IX. Рев., 1894; *Spengel I. W.*, Die anthropol. Sammlungen Deutschlands. Göttingen. A. f. A., XI; *Stein G.*, Ueber estn. Sagen und Bräuche. SB. GEG., 1886; *Stieda L.*, Ueber die Bedeutung des Stirnfortsatzes der Schläfenschuppe. A. f. A., XI; *Tobien*, Einiges über die alte Estenburg Lehowa. SB. GEG., 1880; *Toll H.*, Steinreihengräber in Estland. Ibid., 1891; *Topinard P.*, Du prognathisme alvéolo-sous-nasal. „Rev. d'Anthr.“, 1872; *онъ же*, Du prognathisme facial supérieure. Ibid., 1873; *онъ же*, Du prognathisme maxillaire. Ibid., 1873; *Virchow R.*, Archäol. Reise nach Livland. Z. E. V., 1877; *онъ же*, Die physischen Eigenschaften der Lappen. Ibid., VII, 1875; *онъ же*, Livländ. Schädel. Ibid., 1878; *онъ же*, Messungen estn. Schädel. Ibid., 1873; *онъ же*, Vergleichung finnischer und estnischer Schädel mit alten Gräberschädeln des nordöstl. Deutschlands. Ibid., Bd. IV; *онъ же*, Ueber einige Merkmale niederer Menschenrassen am Schädel. „Abhandl. Berl. Akad. Wiss.“, 1875; *Weinberg R.*, Die Gehirnwindungen bei den E. Anat.-anthrop. Studie. „Biblioth. Med.“ Anat. Abtheil. I. Cassel, 1896; *онъ же*, Ueber einige Schädel aus älteren Liven-Letten-und Estengräbern. SB. GEG., 1896; *онъ же*, О строении большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Труды Антроп. Отд.“, т. XIX; *Welcker H.*, Craniol. Mittheilungen. A. f. A., I; *онъ же*, Die Zugehörigkeit eines Unterkiefers etc. Ibid., XXVII; *Weske M.*, Ergebnisse einer Reise durch das Estenland. V. GEG., VIII; *онъ же*, Ueber den Culturfortschritt im Leben der E. SB. GEG., 1876; *онъ же*, Ueber den Waldgott der Finnen und E. Ibid., 1883; *Wiedemann*, Estn. Dialekte und estn. Schriftsprache. V. GEG., VII; *онъ же*, Aus dem inneren und aeußeren Leben der E. St.-Pet., 1876; *Wieger G.*, Die anthrop. Sammlungen Deutschlands. Breslau. A. f. A., 1885; *Wiskowatow P.*, Ueber die Steinsetzung in Türsel. SB. GEG., 1886; *онъ же*, Zur Schiffsgräberfrage. Ibid., 1889; *онъ же*, Archäol. Funde in Püchtitz. Ibid., 1893, ср. также „Временникъ Эстлянд. губ.“, 1894; *Witt H.*, Die Schädelform der E. Dorp., 1879.

Р. Вейнбергъ.

Corrigendum:

Л. 1 2-5 v. o.

statt: „корми-амораль“

hier: „к к воинамъ «Солдатскому»“

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (ян. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологии и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологии западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конь*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качиновъ; *А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же*—Фамилные типы и фамилное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица; *П. А. Минаковъ*—Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологии; *Л. Д. Синицкій*—Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*—Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (ян. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.); *Н. В. Берви*—Обработка антропол. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполнинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*—Новѣйшіе успѣхи въ области антропологии костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*—Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. И. Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ*—Къ антропологии лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Мамеевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Силиничъ*—Къ краниологии сойотъ; *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. О. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*—Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій*—Классификація человѣческихъ расъ I. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 6 рис.); *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Корончевскій*—Книгъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, председателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Б. Θ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Θ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** р. **50** к.

Принимается подписка на 1902 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехнический музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

